

Мастер

УРОВЕНЬ ПИ

Мастер

Ая эН

Уровень Пи

Серия «Мутангелы», книга 1

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11131757
Уровень Пи. Роман: РОСМЭН; Москва; 2015
ISBN 978-5-353-07182-2*

Аннотация

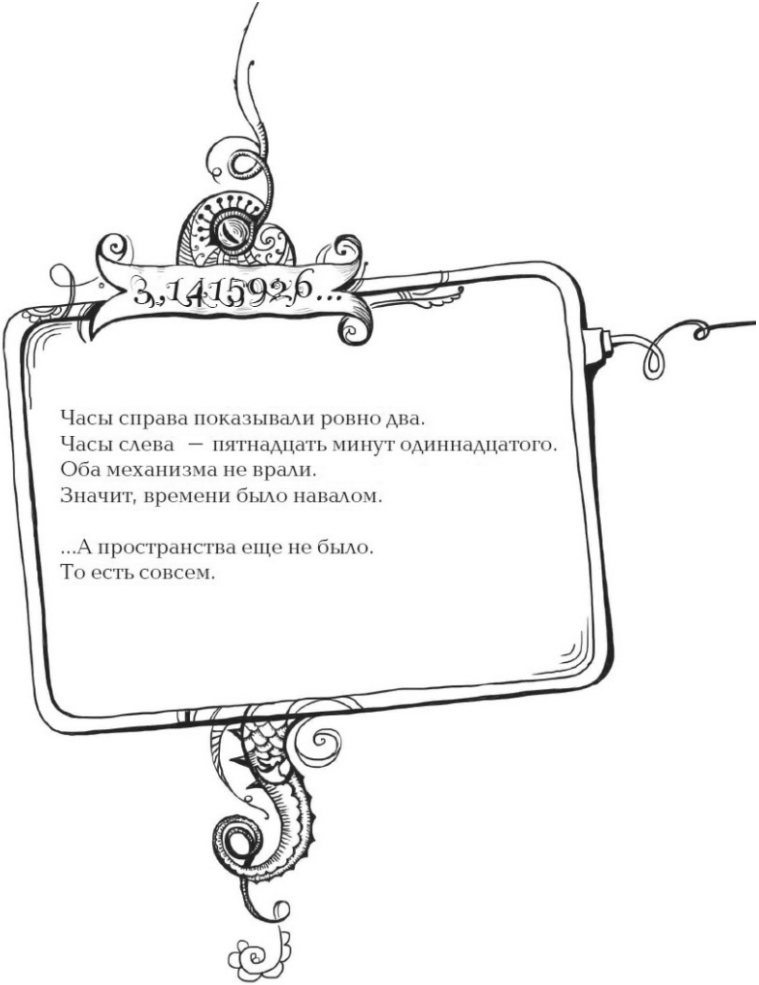
Представь себе, что ты – последний обычный человек на планете мутантов. Твой лучший друг умеет менять внешность и проходить сквозь стены, а тебе... Тебе нечем похвастаться, кроме пятерок по оперативному хрюканью, самому важному предмету в школе! Ты мечтаешь пробраться в биореактор и стать таким же, как все. Ты не знаешь, что за тобой следит целый секретный институт, и даже представить себе не можешь, что в мире, кроме мутантов, существуют ангелы, мутангелы, инфилоперы...

Какие приключения ждут Дюшку Ключкина – последнего человека удивительной Земли-11? И смогут ли его друзья Ризи и Варя помочь герою?

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	66
Глава 6	85
Глава 7	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ая эН
Уровень Пи
Роман

3,1415926...

Часы справа показывали ровно два.
Часы слева — пятнадцать минут одиннадцатого.
Оба механизма не ввали.
Значит, времени было навалом.

...А пространства еще не было.
То есть совсем.

Инструкции, данные между строк в этой книге, не представляют *ни малейшей опасности* для любого, кто является человеком, только человеком, и никем, кроме человека.

Всех остальных мутангелов, а особенно инфилоперов (даже если они не помнят, кто они такие, и считают себя обыкновенными людьми), Мебби Клейн просит при прочтении соблюдать все необходимые меры предосторожности. Помните, что человек отвечает только за свою жизнь, а мутангелы в ответе за всё происходящее.

Везде далее: Диди = дополнительная информация для инфилоперов.

Глава 1

Двое в тумане

Двое шли не оборачиваясь.

Двое наблюдали за ними, притаившись в кустах. Кусты были ненастоящие – из густого игольчатого тумана. Те, которые за ними скрывались, казались, напротив, самыми что ни на есть материальными: плотными и живыми.

А те, которые шли, они, они были какие? Из кустов этого не разглядеть, далеко...

Один из сидящих в кустах – младший – нетерпеливо посмотрел на часы. Часы справа показывали ровно два, часы слева – пятнадцать минут одиннадцатого.

Время и пространство тянулись очень медленно.

Идущие двигались еще медленнее.

Идущие разговаривали. Значит, они тоже были живые? А туман, туман настоящий или нет? Да и туман ли это? Если туман, почему в нем видна какая-то структура, какой-то каркас, что ли...

Ничего не понятно...

– Послушай, какого лешего ты носишь это дурацкое пончо с капюшоном?

Человек, которому был задан этот вопрос, – если только это был человек, конечно! – неопределенно пожал плечами, однако ответил:

– Что на меня нацепили, в том и хожу.

В его голосе не было ни раздражения, ни усталости, ничего. Неопределенный какой-то был голос, без эмоций. Мужской или женский? А может, детский?

– Не, мужской! Пусть будет мужской! – прошептал внук, ныряя поглубже в кусты.

– О'кей, мужской так мужской, – согласился дед.

Незнакомец в пончо – скорее всего, это все-таки был человек – пошел быстрее, и толстячок, задавший вопрос о его наряде, вынужден был засеменить, чтобы успеть попасть след в след, поскольку дорога за решительно топающим вперед незнакомцем как-то внезапно исчезала, растворяясь в пространстве, точнее, в полном отсутствии пространства. Отстать означало раствориться.

– Эй, дед, не слишком страшно?

– Да ладно, в самый раз.

– Ну хорошо.

Было совершенно неясно, куда эти двое идут и зачем. Первый – который в пончо – внезапно остановился. Но не обернулся.

– А чего ты никогда не поворачиваешься? – подозрительно спросил второй.

– Ну у меня это... лица у меня пока нету вот почему! – признался первый.

– Ни фига себе!

– Не ругайся.

– Я не ругаюсь, «фига» – это у них там такое дерево.

– У кого «у них»?

– Ну, у всех, кто не мы, у всех, кто не тут.

– А-а-а...

Человек в пончо – если это был человек – добавил к своему «А-а-а» еще какую-то фразу, но притаившиеся в кустах дед и внук ее не расслышали. Хотя вроде бы громко было произнесено.

– А может, он не по-нашему сказал! – предположил внук.

– Наверное, – немедленно согласился дед. – Мне кажется, это был язык инфилоперов...

– Ух ты! Давай запишем на диктофон!

Но записать не удалось. Во-первых, идущие в тумане больше не проронили ни звука, только толстяк разок шумно

вздохнул – запыхался. Во-вторых, они отошли довольно далеко от кустов более плотного тумана, в которых внук мог записать их разговор, воспользовавшись «браслеткой» на левом запястье. И наконец, в-третьих, внука и деда отвлек звонок.

От звонка туман мгновенно растаял, уступив место большому экрану телефона, на котором возникла хлопающая нарощенными ресницами девица:

– Добрый день! Я – корреспондент журнала «Фэн-фан», мы с вами договаривались о небольшом интервью.

– Да-да, помню. Здравствуйте.

– Сейчас вам удобно говорить?

Деду было удобно. Внук вздохнул, укутался в теплый невесомый халат с набивным рисунком в виде волосатых игольчатых кустиков и ушел в другую комнату.

– Мне бы хотелось начать вот с какого вопроса... Ой! – Тут девица запнулась и принялась рыться в блокнотике. – Забыла с какого...

Пока она рылась и смущалась, дед подошел к письменному столу, плеснул в чашку кофе из стоящего тут же кофейника, ткнул в одну из двух кнопок на ручке чашки, сделал глоток...

Тем временем в исчезнувшем тумане толстячок продолжал семенить за стремящимся вперед, в никуда, человеком

– если это был человек – в цветастом пончо. В конце концов толстяк не выдержал и взмолился:

– Эй, Мебби! Стой!

– Что такое, Клейн?

– Все. Стоп. Делаем привал. Я больше не могу!

Тот, которого называли Мебби, остановился. И даже обернулся, откинув капюшон. Синие глаза, темные волосы ежиком, длинный, но не слишком, нос, тонкая верхняя губа, помястее нижняя. Коричнево-сероватая родинка под левым глазом ближе к виску. Лицо вполне себе человеческое, мужское, не слишком молодое, но и не старое. Симпатичное. Загорелое.

– Ты же говорил, что у тебя нет лица! – удивился тот, которого Мебби назвал Клейном.

– Ну дык это для них нет. Которые в кустах прятались.

– Придурки!

– Почему придурки? Вполне средних способностей субъекты. Правда, старший абсолютно уверен в том, что это он нас придумал...

– Я и говорю – придурок! – Клейн совсем запыхался и теперь отдыхал в позе спортсмена-бегуна, добравшегося до финиша: согнувшись и упершись ладонями в колени.

Мебби неодобрительно покачал головой, глядя на своего спутника. То ли ему не нравилось слово «придурки», то ли плохая физическая форма попутчика. Он скинул с себя пончо, бросил его на воздух. Пончо неожиданно зависло в полу-

метре от земли, выгнулось, превратившись в подобие кресла.

– Садись, отдыхай, что ли. Будем считать, что мы пришли.

– Упс!!!

– Что – «упс»? Тебе не нравится это место? Оно ничем не хуже любого другого. Можно начать и тут. Я шел потому, что, когда движешься, легче думать.

– Да нет, я не про это – «упс». Я про другое... – И толстяк виновато, но выразительно скользнул глазами по голове Мебби и вниз, к ногам.

С головой у Мебби все было в полном порядке. С шеей тоже. Ноги, обутые в бежевые кожаные ботинки, выглядели также вполне нормально, если не считать оборванного шнурка, из-за которого зашнуровать правый башмак аккуратно не удалось: верхние дырочки остались пустыми. Словом, голова и ноги не могли вызвать никакого удивления ни у Клейна, ни у любого стороннего наблюдателя. Тело тоже не могло вызвать никакого удивления – удивление вызывало полное его отсутствие. Впрочем, теперь было ясно, что Мебби не человек. Во всяком случае, не вполне.

Проследив за взглядом своего спутника, Мебби равнодушно вздохнул:

– А, вот ты о чем.

– Ага.

– Так путешествовать удобнее.

– А-а-а...

Мибби усмехнулся, прищелкнул пальцами. Пальцы у него

были, так же как кисти рук и манжеты, в тон воротничку, которым оканчивалась шея. В щелчке, да и в самом облике Мебби, в выражении его лица, даже в сероватой родинке под глазом, чувствовалась сила, много мягкой силы. Очень много силы. Безумное количество силы.

Клейн непроизвольно зажмурился, ожидая, что сейчас что-то произойдет: засветится, появится, исчезнет или ка-а-ак взорвется... В страхе он даже схватился руками за пончо, временно выполняющее функции кресла. Однако ничего не случилось. Клейн осторожно открыл один глаз, потом второй, потом третий... Ничего. Все тот же беловатый туман вокруг, та же пустота, в которой несколько театрально движутся голова, ботинки, руки.

– Ну что, отдохнул? Начнем?

– Слушай, а как ты так это, а? А я так смогу? А если...

– Ты и сейчас так можешь, – не дослушав, ответил Мебби. – Ноль проблем.

– Но я не могу!

– Ты можешь.

– Точно?

– Точно. Мы с тобой одно существо, забыл?

– Ах да.

– Склеротик!

– Кто, я?

– Нет, я! Мы же с тобой одно существо все-таки.

Клейн не мог этого понять. Это не укладывалось в голове,

никак, ну никак.

– Мы с тобой одно существо, – терпеливо повторил Мебби. – Мы – инфилоперы.

– Мутангелы? – уточнил Клейн.

– Какая у тебя путаница в башке!

– И у тебя тоже, если я – это ты. Или ты – я.

– Фух! Фух! Выдыхаем. Я спокоен, я абсолютно спокоен... Раз, два, три... десять... Да не ты – я, не я – ты! Нету здесь никаких «я», никаких «ты»! – Мебби едва сдерживался. – Мы одно существо! Что тут непонятного? Одно существо по имени Мебби Клейн! Дошло?

Клейн поджал губы, не ответил.

– Мы вместе – Мебби Клейн, разрази тебя молния!

Клейн встал, неосознанно, щелчком пальцев, свернул кресло-пончо в рулончик, покрутил затекшей шеей. Потом заметил:

– Учти, если меня, Клейна, разразит молния, тебе, Мебби, тоже каюк.

– Да шаззз. Тебе каюк, а я останусь.

– Но... но ты уже не будешь инфилопером. – В голосе Клейна не было особой уверенности.

– Пф. Еще как буду.

– А мутангелом?

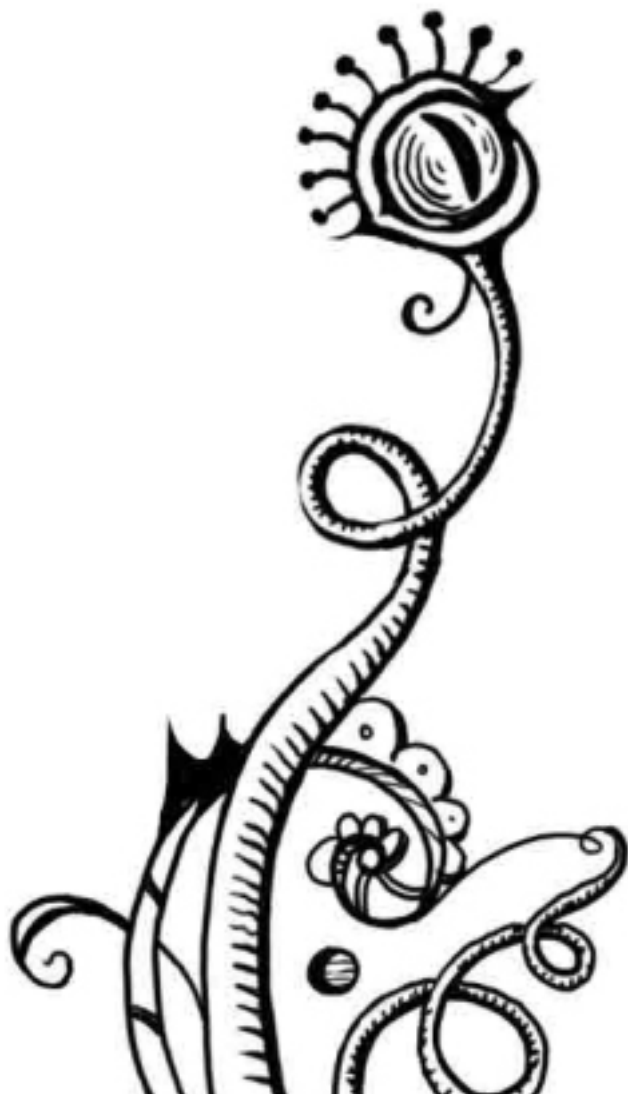
– Мутангелом тем более.

– А Мебби Клейном?

Мебби на мгновение задумался. Потом ответил что-то на

языке инфилоперов. Потом они начали делать то, ради чего пришли в это странное место, которое, строго говоря, не являлось местом в нашем, привычном, понимании этого слова.

Со стороны действия Мебби Клейна (особенно Мебби!) могли бы показаться волшебными, но никакой магии во всем происходящем не было. Магии вообще в природе не существует, она и не нужна. Потому что мир устроен намного круче и нереальнее, чем мы можем себе представить. Мир так обалденно устроен, что...

Глава 2

Немутант Ключкин

Немутант Дюшка Ключкин учился в седьмом «Г» классе обыкновенной земной общеобразовательной школы. У него было две руки, две ноги, идеальный энергетический обмен и средние-пресредние математические способности. На обмен Дюшка внимания не обращал, а из-за всего остального переживал ужасно. Эх, если бы у него вдруг выросла еще одна нога! Или рука. Или хотя бы перепонки, что ли, между пальцами нарисовались... Каждый вечер, тайком от предков, семиклассник Ключкин мазал себе нос зубной пастой с кальцием, надеясь, что в один прекрасный день из его веснуш-

чатого курносого недоразумения вылупится красивый твердый клюв. Но этот прекрасный день почему-то всё никак не наступал, и клюв не рос. То есть, вообще говоря, клюв рос. Только рос он на лице не у Дюшки, а у Варьки Ворониной, Дюшкиной одноклассницы. «Ну зачем ей такой роскошный клюв? – с тоской думал Клюшкин, глядя на Воронину. – И так первая красавица в классе».

Бедный Дюшка старался есть только трансгенную пищу, сидеть как можно ближе к экрану, носить исключительно синтетику и почаще возиться с вредными ядохимикатами. (Ядохимикаты он украдкой таскал у своей бабушки, которая пользовалась ими в качестве косметики.)

– Самое радикальное средство для достижения мутации – просочиться в ядерный биореактор, – посоветовал однажды Дюшке его одноклассник Веня Бесов, или попросту Бес. Друзья сидели в Венькиной комнате и маялись бездельем.

– Как это – «просочиться»?

– А вот так... – Бес воровато оглянулся по сторонам и, убедившись, что вокруг никого нет, юркнул прямо сквозь стенку.

Клюшкин обалдел. А пока он медленно приходил в себя, Бес невозмутимо вернулся в комнату тем же способом и, потупив глаза, присел на краешек табурета.

– Что ж ты раньше не говорил, что такое умеешь? Пятый год дружим, а ты...

– Мама запретила. Категорически.

– Ты бы хоть разик показал. Она бы не узнала.

– Узнала бы. Ты что, забыл? У меня мутер – сенс.

Да, действительно. Мама Вениамина Бесова была экстрасенсом с самого рождения. Она умела читать чужие мысли, причем иногда задолго до того, как эти мысли появлялись.

– Подумаешь! – сказал Дюшка. – Мама – экстрасенс. Ерундиссимо с плюсом! А зато... зато... зато мой папа пальцами дырки сверлить может, вот! В стенках. Один раз он на спор бронежилет просверлил.

Бес промолчал. За все свое долгое странное дошкольное детство он не смог проковырять пальцем ни одной дырки – ни в песке, ни в железе. Его пальцы входили в любую твердую поверхность, как в воду, не оставляя никаких следов. Скрывать это обстоятельство всю жизнь было для него настоящей пыткой, и он на самом деле никак не мог понять, почему его лучший друг, настоящий немутант, единственный, самый последний живой немутант в мире и просто отличный парень Дюшка Ключкин так упорно мечтает стать таким же, как все, уродом.

Вообще, хоть Дюшка и был самым обыкновенным человеком, с ним постоянно происходили мелкие, но необычные истории. Необычные с точки зрения всех остальных жителей планеты, мутантов. Даже родные Дюшку не понимали, даже мама, даже папа, даже бабушка...

Бабушка Дюшки Ключкина была та еще старушенция! Днем она обычно росла на грядке, а по вечерам любила хо-

дить в гости, бодро цокая по асфальту приросшими к ступням корешками. В гостях бабушка пила чай и очень переживала по поводу того, что дискотеки теперь не в моде. Дюшка просто обожал свою бабушку, хоть и таскал иногда ядохимикаты из ее косметички. «Я же не просто, я – для дела», – успокаивал он сам себя, выдавливая из очередного пузырька порцию фенольного шампуня или лосьона на основе серной кислоты. Бабушку Дюшки звали просто Вероникой, потому что она очень не любила, когда ее называли по имени-отчеству.

Однажды вечером, когда Дюшка Клюшкин был еще маленький, баба Ника решила не ходить в гости. Вместо этого она подозвала к себе Дюшку и сказала:

– Внучек, сегодня я хочу рассказать тебе о том, как наши предки встречали Новый год. Слушай и ничему не удивляйся.

Дюшка очень любил встречать Новый год. Особенно ему нравились нарядные елочки. Елочки входили в дом целой гурьбой, водили хороводы и светились в темноте от радиоактивности. Жаль только, что Клюшкин, в отличие от многих остальных, этого свечения никогда не замечал, – ведь он не был мутантом и мог видеть только в обычном спектре. Дюшкины сестренки Марта и Апреля дарили елочкам подарки и сладости, ползали по потолку от счастья и, так же как и Дюшка, даже не представляли, что когда-то давно все могло быть совсем иначе.

– Во-первых, раньше елочки не могли передвигаться, – начала бабушка.

Дюшка кивнул. Про то, что растения раньше не двигались, он уже много раз слышал. Поверить в это было трудно. Как-то раз Дюшка попробовал не двигаться, и его терпения хватило от силы на полчаса. Бедные елочки!

– Во-вторых, на Новый год в каждой семье наряжали всего только одну елочку. Ее срубали под самый корешок, занесли в дом...

– Как это – «срубали»? – Дюшку аж передернуло от негодования.

– Срубали, внучек, – вздохнула бабушка. – Я даже песенку помню: «Срубили нашу елочку под самый корешок...»

– Вот гады, – твердо сказал Дюшка, дослушав песенку. – Хотя и немутанты, а сволочи. Разве они не знали, что елочке может быть больно?

– Но елочке не было больно! – возразила бабушка. – Вот мне же не будет больно, если мне что-нибудь отрубить!

– Ты – другое дело, – возразил Дюшка. – Ты – мутант. У тебя болевые рецепторы давно атрофировались. Вот тебе и не будет. А елочке...

Дюшка представил себе мучения бедной елочки и заплакал. Бабушка растерялась. Ей было жаль внука, искренне жаль. Ах, если бы он тоже был мутантом и не знал, что такое боль! Но Дюшка не был мутантом. Он был человеком. Он был последним человеком на Земле, который в состоянии

плакать из-за срубленной сто лет назад маленькой елочки. Это было ужасно.

Хотя, если честно, все было совсем не так ужасно. Во-первых, ко всему можно привыкнуть, особенно в детстве. Во-вторых, история с елочкой ведь произошла давно, года четыре назад. А то и все пять, если верить бабушке. А то и все шесть, если верить самому Дюшке. Хотя тут Дюшке верить нельзя: близняшки тогда уже родились, а им еще нет шести...

Сейчас Андрею Ключкину и в голову бы не пришло переживать из-за каких-то елочек. В настоящее время он был готов переживать разве что из-за себя, любимого. Ну, или, или... или еще из-за Вари, вот.

У Вари Ворониной давно уже намечались проблемы по оперативному хрюканью. Всем известно, что в седьмом классе оперативное хрюканье – второй предмет по значимости после математики. Хрюкала Воронина громко, внятно и удивительно мелодично. Но недостаточно оперативно. Родители даже наняли ей репетитора на осенние каникулы, но все было без толку. От переживаний у Вари пропал аппетит, перестал расти клюв, а глаза постоянно оставались на мокром месте. Обычно они оказывались в ванной, а Варя так и ходила по дому без глаз, как пришибленная.

Но в школе она исправно брала себя в руки и не разбрасывала части тела где попало.

Дюшке Клюшкину нравилась Варя. Впрочем, она почти всем нравилась. Только он никак не мог придумать, как с ней подружиться. И вот удобный случай представился. Дело в том, что по хрюканью Дюшка по праву считался гордостью школы. Ему даже к урокам готовиться не надо было – он и так мог прохрюкать всю программу до последнего класса, ни разу не запнувшись. Мелодичности и красоты в клюшкинском хрюканье не было, но в школе оценивались только точность и скорость. Конечно, самому Дюшке вряд ли хватило бы мужества подойти к Варе и предложить помощь, но после очередной проверочной учительница устало сказала:

– Воронина! Мне крайне неприятно об этом говорить, но твоя работа ниже всякой критики. Ты же умная девочка, в чем дело? В конце концов, если не можешь разобраться в материале сама, пусть тебе друзья помогут. Вот хоть Клюшкин, например... Клюшкин, ты ведь не против помочь своей однокласснице? Прямо сегодня и начинайте.

И учительница перешла к обсуждению новой темы. Ни одного «хрю» из ее объяснения красный как рак Дюшка не слышал.

По дороге домой Варя расплакалась.

– Ничего у тебя не получится! – размазывая сопли по клюву, пыталась втолковать она Дюшке. – Со мной уже кто только ни занимался! Если бы ты только знал, как я стараюсь! А-а-а!

И правый Варин глаз предательски вывалился в ближай-

шую лужу. Дюшка бросился его ловить, но Варя уже и сама присела на корточки. В луже их руки встретились.

– Ты такая красивая, – прошептал Дюшка. – Самая лучшая девчонка во всем мире. Давай дружить.

– Давай, – кивнула Варя, и ее обалденные, ниже пояса, локоны коснулись пылающей Дюшкиной щеки.

– Давай всю жизнь дружить! – предложил Дюшка. – Будем ходить друг к другу в гости, и я научу тебя хрюкать лучше всех в классе, и на выпускной через пять лет пойдем вместе, и пусть все думают, что мы – жених и невеста, подумаешь!

Варя растерянно посмотрела на Дюшку. Ей вдруг показалось... Ничего подобного ей никогда в жизни не казалось! Это было как наваждение. Как будто...

– Не пойдем мы на бал, – покачала головой Варя. – Тебя через год или два все равно на опыты заберут. Может быть, нам даже виртуально общаться не разрешат...

Дюшка растерялся:

– На какие еще опыты?

Варя молчала.

– На какие опыты? – настойчиво переспросил Ключкин.

Варя виновато смотрела на него, не убирая своей руки из Дюшкиной.

– Я думала, ты знаешь. Это секрет, но я точно думала, что ты знаешь.

– Ничего я не знаю.

– Ты же последний немутант, Ключкин! Последняя на-

дежда человечества. Тебя, наверное, клонировать будут. Или еще что-нибудь наподобие того. Просто раньше четырнадцать лет детей у родителей забирать права не имеют. А дальше – как понадобится... Неужели ты ничего не знал, Ключкин?

У Дюшки все поплыло перед глазами. Он разом вспомнил все странные, полные прохладной мутантской грусти взгляды мамы на него, на Дюшку, и то, как ему, здоровому и сильному, а не младшим сестренкам подкладывала бабушка самые лакомые кусочки дорогуших натуральных продуктов, и многое, многое другое. Они все знали!

– Когда у тебя день рождения? – спросила Варя.

– В апреле, – со вздохом ответил Ключкин, возвращаясь к действительности. Так плохо ему еще никогда в жизни не было. – Мне исполнится четырнадцать в апреле.

– Так мы с тобой еще почти полгода можем спокойно дружить, Ключкин! Можем ходить друг к другу в гости, и ты научишь меня хрюкать лучше всех в классе, а на твой день рождения я прохрюкаю тебе свою собственную песенку, знаешь про что?

– Про что?

Они наконец встали. Варя смотрела ему прямо в глаза своим ослепительно-синим левым глазом (правый все еще был в кулаке у Дюшки) и ничего не отвечала. Вдруг она стремительно наклонилась, неловко, как-то по-детски, скользнула клювом вдоль Дюшкиной шеи и на одно мгновение прижалась к нему, окатив волной непонятного, совершенно ново-

го для них обоих упоительного ощущения. А в следующее мгновение Вари уже нигде не было.

В маленьком симпатичном городке (всего-навсего километров триста от столицы) стояла спокойная поздняя осень. Идеально убранные улицы с пружинящими, обогреваемыми тротуарами, излучали уют и тишину. Внешний вид домов был безупречен, их внутренний дизайн – еще безупречнее. Развлекательные центры, спортивные сооружения, комфортабельные маркеты, продуманные до мелочей мутто-клубы, школы, салоны, офисы, зоны отдыха... В Дюшкином городе было абсолютно все, что может понадобиться человеку для счастья.

Ключкин бережно держал на ладони Варин глаз и думал о том, как вернет его завтра, перед уроками. Или, нет, лучше сегодня. Прямо сейчас. Он пойдет к ней домой, вот только сначала переоденется. Может, купить Варе шоколадку? Он не знал, как лучше поступить в данной ситуации. А еще Дюшка не знал, что он, может быть, больше никогда, никогда-никогда в своей жизни не увидит эту необыкновенную Варю Воронину.

Мутанты не умеют любить. А если, несмотря ни на что, им удастся влюбиться, они попросту исчезают.

Полностью.

Насовсем.

Как Варя.

Глава 3

Ворона

Когда Варя исчезла, она не поняла, что с ней про изошло. Она разинула от удивления клюв, выпучила глаза и пробормотала:

– Что это?

Потом поморгала, помотала головой, пытаясь сбросить наваждение, икнула, судорожно сглотнула, опять поморгала и опять икнула:

– Ничего себе...

Минут пять, а может, и того больше Варя продолжала сидеть на ослепительно-синей вате, озираться, бормотать, икать, ощупывать себя и щелкать клювом почем зря. Вата

стреляла иголочками, а Варя тупила.

Варю вообще-то можно понять: во-первых, она исчезла насовсем впервые в жизни, и опыта в этом сложном деле у нее не было никакого; во-вторых, ей и в голову не могло прийти, что она исчезла, потому что влюбилась. Более того. Если бы ей кто-то сказал, что она, обыкновенная мутантка-семиклассница, только что ВЛ *ю-Б-иЛа-Сь* и по этой причине лихо перестала существовать, она бы не поверила. Она бы не поверила в это ни за что, поскольку руки, ноги, голова, живот и, простите, попа были ей отлично видны и великолепно прощупывались. Крылья не прощупывались. Но это и неудивительно: крыльев у Ворониной и раньше никогда не было.

Диди. Попа не очень отлично была видна, только с боков чуточку: Варя была девочкой обычной, не акробаткой и не циркачкой, извернуться слишком сильно у нее не получилось. Что же касается крыльев... Крыльями на Вариной Земле обладали не более 0,00001 % мутантов. Клювы встречались куда чаще, примерно в 0,001 % случаев. Если бы можно было поменять клюв на крылья, Варя бы долго не раздумывала!

А вот глаза оказались на месте, оба. Это было странно: ведь Дюшка вроде не успел вернуть ей глаз. Или успел? Раз всё в порядке, значит, успел. Итак, Дюшка отдал ей глаз, она вставила глаз на место и... и в этот момент неведомым об-

разом оказалась тут, в парке. Нет, это мало похоже на парк. Это скорее похоже на...

Варя не могла понять, на что это вообще похоже. Над ней было небо. Вечернее. С облаками. Под ней была трава. Искусственный газон. С редкими цветочками: серединки оранжевые, лепестки желтые. И еще беленькие цветочки: серединки слегка розоватые, лепест...

– К черту цветочки! – Варя решительно вскочила на ноги. – Что за шуточки? Какой гад меня загипнотизировал?! Дюшка! Дюшка-а-а! Ключкин, это твои проделки? Ну, ты за это ответишь!!!

Варя погрозила кулаком двум чахлым кустикам, за которыми виднелось нечто вроде каркаса для выющихся растений. Варя топнула ногой. Ничего не произошло. «Точно-точно, меня загипнотизировали! – поняла Варя. – Хотя это и запрещено законом. Мне внушили, что вокруг меня – не мой родной город, а вот эта вся дребедень. А на самом деле я, конечно, сейчас на улице, недалеко от своего дома... Сейчас морок пройдет, и все вернется в как было!»

– Вообще-то туманить сознание у нас законом запрещено! – авторитетно заявила Варя фонтанчику, расположенному правее кустиков. – Так что ничем хорошим это для вас не кончится, так и знайте!

Фонтанчик ничего не ответил. Вообще было довольно тихо. Слышно, как вода в фонтанчике шумит... Шмель пролетел...

– Между прочим, тут улица, и машины иногда снуют, – продолжила Варя беседу с невидимым преступником-гипнотизером. – Если я сделаю шаг, могу и под колеса попасть... Или просто упаду с тротуара... Ну дайте мне руку хотя бы, что ли...

Варя протянула руку, надеясь ощутить ответное рукопожатие. Постояла-постояла с протянутой рукой, обиделась и сунула руку в карман:

– Ну не хотите, как хотите... Это уже совсем нечестно... И вообще, я больше не играю!

Варя опустилась на траву, села по-турецки и скрестила на груди руки. «Интересно, а Дюшку тоже загипнотизировали? – подумала она. – Он же рядом стоял. Я его как раз легонько клюнула в щечку, когда все это произошло. Как все странно! Наверное, его тоже, он же обычный человек... Ой! А вдруг это из-за моих слов! Вдруг нас прослушивали! Ой-ой! Точно...»

Теперь Варе стало ясно: это все происки спецслужб, которые, возможно, охраняют Ключкина! Вот жуть-то. Дюшку Варе было жалко, но и себя тоже. Может, ее вовсе не загипнотизировали, и совсем она не на своей родной улице, и это – не временное наваждение. Ее мгновенно усыпили, наверное, а потом отвезли сюда и бросили. Тогда надо бежать! Надо попробовать выбраться!

Варя вскочила. Сколько у нее времени до наступления темноты? Она посмотрела на небо. Небо было такое, какое

бывает в ясный летний день сразу после заката: еще голубое, но уже не очень яркое. И солнца не видно...

Но куда бежать, в какую сторону? Варя еще раз огляделась. Все было незнакомое, странное, очень странное. И еще – зыбкое. Голова гудела. Варя попыталась схватиться за голову, но ей это почему-то не удалось.

Внезапно в тумане за фонтаном мелькнули две фигуры. Кажется, они удалялись. Того, кто шел первым, было почти не видно. Но семенящего за ним толстячка вполне можно разглядеть.

– Эй, стойте, эй! – заорала Варя и бросилась к фигурам. – Эй, не броса...

Бум!

Варя со всего маху врезалась во что-то невидимое и достаточно твердое. От удара она потеряла сознание и рухнула обратно на землю, то есть в синий игольчатый туман.

– Эй, девушка, вы меня слышите? Девушка!

– Врача, врача вызовите!

– Она не дышит!

– Дышит!

– Живая, живая!

– Девушка, вы меня слышите?

Варя застонала и вновь попыталась схватиться за голову. На этот раз попытка увенчалась успехом.

– Не поднимайте ее, вдруг позвоночник переломан!

- С чего бы?
- Вдруг она под машину попала.
- Да не было тут машин...
- Вдруг были!
- Это у нее сердце, сердце!
- Не поднимайте, говорю вам!

Варю все-таки подняли. Прислонили к урне. Урны в Варинском городе (да и в других городах Земли-11) были намертво приварены к земле, так что надежнее опоры не сыскать. Варя открыла глаза. Увидела то же место, на котором они с Дюшкой остановились. Ту лужу, в которой их руки встретились.

– Глаза нет! Один глаз! – закричал кто-то. – Врача! Вдруг она – первая?

- Какая она тебе первая, с клювом! Третья она.
- Третьи в обмороки не грохаются. Вторая, как пить дать.
- А на браслетке что написано?
- А нет браслетки!
- Девушка, вы меня слышите, девушка? – Ее потрясли за плечи.

- Слы... – ответила Варя, – ...шу.
- Живая!
- Девушка, вы глаз потеряли.

Варя хотела сказать, то есть оперативно хрюкнуть, что это ничего, что у нее есть запасные, дома. Но оперативно Варя не смогла (недаром ей ставили двойки по этому важному предмету!); она просто согласно кивнула: да, мол, потеряла, бы-

вает.

Толпа постепенно рассасывалась, поскольку больше ничего интересного не предвиделось. Вскоре около Ворониной остались две красно-полосатые тетки-домохозяйки, которые никуда не торопились, парень, явно готовый продолжить знакомство, и малахольный мужичок-мутантик, втайне надеющийся попасть на экран в местных новостях: а вдруг повезет, вдруг кто-то вызвал телевидение?

– Дюшка? – на всякий случай позвала-спросила Варя. – По... Дюшка...

Произнести «позовите Дюшку» пока не получалось. Дюшки рядом не было.

– Подюшка, то есть подушка? – с готовностью переспросил парень. – Вам сидеть неудобно? У меня нет подушки. Хотите мою куртку?

Варя отрицательно покачала головой.

– Врача надо! – сказала одна из теток. – Вдруг она все-таки первая, тогда что?

– Да, действительно! – резво поддержал ее мужичок. – Надо врача и телевизионщиков. Пусть ее в новостях покажут, может, кто опознает. Видите, она даже свое имя прохрюкать не может!

– О чем только молодежь думает! – раздраженно проскрежетала вторая тетка. – Ходят без браслетов, в обмороки падают, а ты гадай, кого как спасать!

– Не надо меня спасать, – вдруг вполне четко произнесла

Варя. — Я в порядке уже. Спасибо.

Тетки фыркнули и немедленно удалились. Та, что в красном, что-то вещала о неблагодарности, полосатая — ей поддакивала.

— Может, все-таки телевизионщиков? — с надеждой пролепетал мужичок. — Чтоб в новостях...

— Пошел отсюда! — гаркнул парень, все еще сидящий на корточках возле Вари и придерживающий ее за плечи. — В новости ему! Нет, чтобы помочь!

— Да я это... готов и помочь! — мигом откликнулся мужичок.

— Вон пошел, говорю! Сам справлюсь!

Мужичок поджал губы и ушел вслед за тетками.

А парень решил не терять времени зря. Его руки сами собой скользнули с плеч девушки к талии, а глаза странно за сверкали.

— У меня нет подушки с собой, но у меня есть много мягких подушек дома, — сказал парень. — Кстати, я тут недалеко живу. А тебя как зовут?

— Варя.

— Какое красивое имя! А фамилия у тебя есть?

— Воронина.

«Черт, башка, как чугунок... Кажется, я обо что-то треснулась...» — подумала Варя.

— Очень красивая фамилия! — фальшиво улыбаясь, произнес Варин спаситель. — Прямо под клюв.

«Издевается!!!» – решила Варя и попробовала встать.

– Тих-тих-тих... Тихонечко... Ишь, резвая.

– Руки уберите.

– А?

– Лапы убери, говорю! – встав на ноги, Варя почувствовала себя гораздо увереннее.

К тому же они все-таки были на улице почти в центре города. Если что, можно ка-ак хрюкнуть о помощи! «Сейчас точно хрюкнет, гадина!» – понял парень.

– Дура! – Лицо у него стало злое, но руки убралась в карманы. – Ворона несчастная! Я тебе помогаю, а ты... Дура! Ворона!

– За помощь спасибо, а дальше я сама.

– Ворона!!!

Парень демонстративно сплюнул и убрался.

Фух! Варя доковыляла до ближайшей скамейки, подобрав свою школьную сумку, – и как только никто не спер? – села. Ничего себе приключение! Что же с ней было-то?

Варя пыталась осмыслить происшедшее. Несмотря на клюв и кличку Ворона, она была девочка довольно умная, во всяком случае, достаточно внимательная и рассудительная. Но сейчас ее рассудительности не хватало. Только одно не вызывало сомнений: это сделал не Дюшка.

Не Дюшка, но кто? Но как? И зачем?

Может, все-таки спецслужбы?

А может, может... все-таки она влюбилась?

– Еще чего! – Варя вскочила. – Я не...

И продолжила опять про себя, мысленно: «Я не влюбилась! Не влюбилась! Еще чего! В Дюшку? Ха-ха! Да ни за что!» Варя залезла в свою сумку и обнаружила на браслетке кучу вызовов от мамы и горы всякой ерунды от одноклассников.

– Да, мам!.. Ну не услышала... Ну, не на руке... Да ничего не случилось. Я глаз потеряла. Что? Да-а? Ну тогда ладно. Буду, скоро буду, ага.

Мама сказала, что Андрей Ключкин где-то нашел ее глаз и принес его, положив в коробочку от мармелада. От какого-то особенно натурального мармелада из водорослей. Ах-ах, как трогательно! Влюбиться в этого «мармеладного» Ключкина?! Да никогда! Да ни за что!!!

Варя привычным движением защелкнула браслет на запястье, извлекла из бокового кармана черные зеркальные очки, которые на всякий случай всегда носила с собой, нацепила на клюв. Закинула на плечо сумку и бодро отправилась домой, словно ничего необычного с ней не произошло. Ее роскошные волосы лихо развевались на осеннем ветру, прохожие невольно засматривались.

Башка, правда, все еще болела.

– Привет, ма!

– Ворона!!! Ворона одноглазая! И о чем ты только думаешь? Я еще понимаю – расслабиться до потери пульса; ладно, это бывает. Но до потери глаза?! – Мама была вне себя

от злости. – Ты бы еще голову потеряла!!!

Крыть было нечем. С раннего детства, еще со сказок об Оранжевой Шапочке, Варя отлично знала, что вне дома расслабляться нельзя, а уж настолько, чтобы терять части тела... Да, это вообще ни в какие ворота не лезет.

– Ладно, пусти...

Мама сдвинулась в сторону. Варя мышкой проскользнула в свою комнату, надеясь, что все обошлось. Но родительница двинулась следом. Не обошлось. Получился почти скандал. Варя пришлось в очередной раз выслушать все, что обычно выдают мамы, когда их дети оставляют на улицах велосипеды, мобильники, глаза с ушами и другие ценные предметы.

Варя вернула на место глаз, подошла к письменному столу, делая вид, что собирается заняться уроками.

– Мало того что ты ведешь себя как жалкая разиня, у тебя и в школе караул полный. По оперхрюку – двойка! Допрыгалась! До того, что Клюшкину придется с тобой заниматься!

«Ну, Клюшка, ну, ябеда!» – разозлилась Варя.

– Более того, учительница сказала, что, хотя она и попросила помочь твоего одноклассника, лучше нам опять нанять тебе репетитора, поскольку...

«А, это не Клюшка, это она училке звонила!» – Варина злость мгновенно схлынула.

– Ты слышишь, о чем я тебя спрашиваю???

– А? Что? Ой...

– Вот тебе!

– А-а-а! Ты чего клюешься? Больно же!

– Еще и мало клююсь! Да тебя заклевать мало! Ворона! Мать наконец убралась.

Вообще-то мама у Вари была не злая. Хорошая мама. Наверное, на ее месте Варя и сама бы начала ругаться, клеваться и принимать меры. Может быть, даже потащила бы дочь к врачу, чтобы ей выписали таблетки от невнима...

Тирлимпль!!! Трень-плимпль!!!

– Дюшка? – Варя инстинктивно ответила сразу, но вот о чем говорить и как себя вести, не знала.

Ведь он, получается, ее бросил там, посреди улицы, одну. Тоже мне друг! С другой стороны, он взял глаз и принес его маме... Если он извинится за то, что сбежал...

– Варька, ну ты даешь! – Тон у Дюшки был ничуть не виноватый. – Ну, ты реактивная! Смоталась со скоростью тьмы!

Диди. Не удивляйтесь. У нас принято говорить «со скоростью света». Но на Дюшкиной Земле обычно говорят «со скоростью тьмы». Скорость тьмы действительно немного больше скорости света, примерно на 0,0000017 %.

– Я смоталась?!

– Ну не я же!

– Ты!

– Я-а???

Варя включила экран (посмотреть на этого наглеца!):

– Мне стало плохо, я упала и потеряла сознание. Очну-
лась, а тебя нет! Меня чужие прохожие в чувство приводили.
– Эмм... Но прохожие – всегда чужие, это же прохожие...
– Не придирайся к словам! Я упала, а ты струсил и смо-
тался.

– Варя, ты что? Я там еще долго стоял. Даже в булочную
заглянул, думал, ты туда заскочила.

– В какую еще булочную?

– На углу Вислоуховой и этой, как ее... ну, которая к па-
мятнику партизанам-мутантам ведет.

– Ого! Где я упала и где эта булочная! Ты сбежал!

– Варя, клянусь, я не сбегал! Чем хочешь клянусь. Вот
чтоб мне на всю жизнь человеком остаться!

Варя сердито глянула на Дюшку. Глаза у него были чест-
ные-пречестные. Интересно, а настоящие люди умеют врать?
«Он испугался. Испугался, сбежал, а теперь врет. Не хочет
признаваться. Но что поделать, он ведь человек, а не му-
тант. Человеки все бояки. Все равно он прикольный... Мо-
жет, предложить ему оставить этот разговор и... и пусть у
нас будет мир?» – подумала Варя.

«Она меня поцеловала, а потом застеснялась, потому что
– девчонка. И еще потому, что клюв хоть и суперский, но
как с клювом целоваться? Засмущалась, короче, и сбежала.
А теперь не хочет признаваться. Но не ссориться же с ней
из-за этого! Предложу мир...» – подумал Клюшкин.

– Мир? – одновременно произнесли Варя и Дюшка.

Произнесли и рассмеялись.

– Это я первая сказала! – отсмеявшись, закричала Варя.

– Нет, я-а-а!!! – завопил Дюшка.

Глава 4

Немного об ангелах

Медленное томное солнце кружилось над спящей в утреннем полете Джен. Дженифер всегда проваливалась в сны целиком, как ребенок. Сейчас ей снилось, что она стала пушистым музыкальным ветром, который носится между мирами, связывая их своей мелодией. Давно пора будить ее, но прерывать такое сладкое состояние было бы несправедливо. Поэтому Рональд просто летел рядом и ждал, когда же наконец пространство вокруг его подопечной сгустится настолько, что можно будет сказать: «Доброе утро, ангелочек!» – и начать учить ее спать по частям. Ангелы – кроме самых маленьких – всегда спят по частям. Взрослые ангелы обычно

спят по таким крошечным частичкам, что получается, будто они постоянно бодрствуют.

Наконец вокруг Джен наметился легкий магнитный вихрь, говорящий о том, что ее сон подошел к концу.

Края вихря были прохладные, ватные, а серединка теплая, словно в испарине. Рон подхватил краешек ваты и качнул ее вниз, к поверхности Земли. Вихрь и увлекаемая им, все еще спящая Дженифер опускались плавно, словно легкие осенние листья в безветренную погоду. Джен проснулась на Земле, как обычно.

– Доброе утро, ангелочек! – улыбнулся Рон.

Джен открыла глаза, потянулась, спросонья немного не рассчитала и вылезла за пределы своего тонкого нематериального тела.

– Я опять спала целиком? – уточнила она.

Рон деликатно промолчал. Джен нахмурилась.

– Зато на этот раз ты летала, приняв почти классическую форму, – попытался успокоить ее Рон. – Стержень идеальной формы, полый внутри, симметричные крылышки... Ну, почти симметричные.

– Почти симметричные – это значит почти неуправляемые, – вздохнула Джен. – То есть я практически крутилась на месте?

– Практически, – вынужден был подтвердить Рон. – Да не переживай ты так! Научишься. Ты делаешь отличные успехи. Если учитывать твой юный розовый возраст, то просто

колоссальные успехи.

– Ладно, утешил! – послушно согласилась Джен. – Мне просто неловко, что вам всем приходится со мной столько возиться.

– Пустяки, дело житейское! – отмахнулся Рон.

И, увидев, что Джен его не поняла, добавил:

– Так говорил один литературный герой на Земле-12. У него еще штанишки с моторчиком были. Ты этого пока не проходила.

– О, мы сегодня будем заниматься Землей-12? – обрадовалась Джен. – У меня тоже будут штанишки с моторчиком?

– Нет-нет, – быстро возразил Рон. – Мы с тобой еще долго будем возиться с Землей-11.

Джен кивнула. Землю-11 она никогда не любила. Хотя именно эта Земля была ее родиной, и именно на ней продолжали жить ее родители, обычные мутанты, и ее родной младший брат Ризенгри Шортэндлонг, тоже мутант, с которым с самого рождения была куча проблем. На этой же планете жил последний человек Андрей Ключкин.

Ангелы называли это место Землей-11. Но для Дюшки и остальных мутантов она была просто Землей, единственной и без номера, потому что о существовании в природе остальных Земель они попросту ничего не знали. Кстати, об ангелах подавляющему большинству мутантов тоже было неизвестно. Некоторые в них верили, некоторые считали сказкой. Примерно так мы с вами относимся к привидениям или ле-

тающим тарелочкам. Вот вы лично хоть с одним привидением вместе чай пили? Нет.

А с инопланетянином за щупальце здоровались? Тоже нет. Точно так же и на Земле-11. Несмотря на то что ангелы давно и успешно сотрудничали с землянами, круг посвященных в реальное положение дел был весьма ограничен. Иначе говоря, вся информация об ангелах строго засекречена. Во-вторых, это было сделано в целях всеобщего спокойствия, а во-первых, потому, что такое условие поставили сами ангелы. Цивилизация ангелов была гораздо сильнее. А с сильными лучше не спорить.

Давайте сделаем маленькое отступление. То, что вы сейчас узнаете, это не просто большой секрет. Это УЖАСНО БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ. О нем ни в коем случае нельзя никому рассказывать. Все посвященные дают честное слово о неразглашении. И на самом деле никому, никогда и ни о чем... Но все в жизни меняется. Тут не место и не время объяснять, почему очередное обещание сейчас будет нарушено. Это не так важно. Главное, что оно будет нарушено. Да, прямо сейчас. Да, сознательно. Так что слушайте. То есть читайте. Мир устроен примерно так...

Диди. Наша Земля для ангелов – Земля-12. Хотя это очень условно. И слово «Земля» у них иначе звучит, и число «двенадцать» в их математике не равно двенадцати... Тем не менее ради определенности

и отдавая дань традициям Уровня ПИ, наша Земля – это Земля номер 12.

На нашей планете есть цивилизация очень умных существ. Существа эти работают, едят, спят, общаются, растят детенышей, строят жилища и так далее. О существовании нас с вами они не подозревают. Хотя мы можем, например, взять и разрушить их муравейник. Для рядового муравья весь мир – это его поляна, да и то далеко не вся. Попробуйте объяснить ему простую истину: «Один плюс один будет три». (Ладно, ладно, не три, а два, уговорили.) Он поймет? Увы. Все, пошел отсюда, дружище, у нас свои дела! Уполз, не обиделся.

Помимо муравьев, на нашей планете есть цивилизация других очень умных существ. Их мир не ограничен одной поляной, с ними можно как-то договориться. И даже «один плюс один» попытаться объяснить. И даже получить от них ответ: «Гав-гав!» – на уровне рефлекса. А дальше – все, тпру, приехали. Истину «Земля – шар, который вращается вокруг Солнца» понять представителю этих, более высокоразвитых, существ не дано. Все, давай на место, Дружок, мы заняты. Ушел, но, в отличие от муравья, немного обиделся.

Еще на нашей планете есть цивилизация существ, гораздо более высокоорганизованных, нежели какие-то муравьи или собаки. Эти существа очень хорошо понимают, что Земля – шар, который вращается вокруг Солнца. Но того, что Земель этих, вращающихся одновременно вокруг одного и того

же Солнца, много, им в головы, увы, не втемяшить. «Фигли их несколько! – говорят эти двуногие существа. – Мы своими собственными глазами видим: Земля – одна. И вообще, кто этот невидимый, что с нами разговаривает? Кажется, это не кто-то невидимый, а наша врожденная шизофрения!» Все, ребята, бегите по своим делам, к своим психиатрам, к своим примитивным компьютерам, с вами просто нет смысла дальше общаться. Обиделись и не уходят. Ладно, давайте по-хорошему. Останьтесь, пожалуйста, те, с кем есть смысл разговаривать дальше... Остались? Тогда открываю вам, оставшимся, тот самый большой секрет. Ангелы действительно есть. АНГЕЛЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЕСТЬ. Ангелы на самом деле существуют. Правда, лучше бы их напроць не было. Но, увы...

Если вы попросите описать ангелов, видевшие их люди, пожалуй, немного растеряются. И вот почему. У человека с рождения и до самой смерти обычно всегда бывает две руки, две ноги, одна голова и так далее, по списку. Конечно, он может похудеть, постареть или, скажем, потерять ухо в схватке с леопардом. Но если не рассматривать крайние варианты, с обликом среднестатистического человека всё, в общем, ясно. С ангелами сложнее, поскольку в зависимости от желания и обстоятельств они могут находиться в трех основных состояниях: плотном, тонком и сверхтонком.

Плотное, или материальное, состояние, это когда молекулы – атомы и всякие электроны – вокруг протонов с нейтро-

нами то ли вертятся, то ли размазаны волнообразно. Ангелы «во плоти» – создания, похожие на людей. Им, впрочем, ничего не стоит принять облик голубя, барана или, к примеру, майского жука. В плотном состоянии они могут вытянуть руку, взять со стола чашку с чаем, выпить его и пойти в гости, перебирая ножками по дорожке.

Тонкое, или призрачное, состояние – это когда глюоновые сети-фракталы, ячейки с адронами и сильные упругие связи с быстрым обменом информацией по нитям образуются и тут же исчезают. «Тонкие» ангелы похожи на призраков, на облака, а чаще всего просто не видны человеку. В тонком состоянии можно мгновенно протянуть глюоновую нить на расстояние в километр и посмотреть, что там, в километре от тебя, сейчас происходит. В принципе, чашку с чаем тоже можно оторвать от стола. Для этого нужно создать пару сотен адроновых ячеек вокруг чашки, поймать ее в сеть и потянуть в нужном направлении. Это несложная процедура. Правда, чаю в тонком состоянии уже не попить – нечем.

А сверхтонкое, или параллельное, состояние – это когда натсы, вложенные миксоны и полное вневременное многоканальное взаимодействие. В сверхтонком состоянии чашку со стола поднять нельзя, хотя никакого труда это не представляет. Просто в сверхтонком состоянии чашки, как таковой, попросту не существует. Стола, как стола, впрочем, тоже. По причине незначительного отсутствия времени вообще. Ангел в сверхтонком состоянии распадается на мно-

жество мельчайших составляющих, равномерно или почти равномерно рассеянных по всему пространству, – все равно что каплю краски растворить в стакане воды. Параллельно в этом пространстве растворены другие существа, которые образуют с тобой одно целое, хотя все-таки ты – это ты, а они – это они. На нашей с вами Земле-12 подобное блаженное состояние уже пытались описывать, называя нирваной. Кстати, это вовсе не состояние бездействия. Работать в нем можно еще как.

А теперь вернемся к нашей истории.

После того как Джен окончательно проснулась, Рон проводил ее на Землю-11, в дом Славика Тихоновича, с которым она еще не была знакома.

– Это один из лучших представителей местной фауны! – торжественно представил Рон своей спутнице молодого загорелого мутанта, который в это время с удовольствием занимался на тренажере, имитирующем бег по скале со скатывающейся вниз галькой.

Очевидно, у мутанта были зачаточные способности к левитации (то есть способности летать, парить в воздухе, но не с помощью крыльев или реактивной тяги, а просто так), поскольку, бегая, он изредка отрывался от искусственной скалы и ненадолго зависал в воздухе. Это доставляло ему массу приятных ощущений. На вид Славика Тихоновичу можно было дать лет сорок, но Рон сообщил, что на самом деле

этому мужчине далеко за семьдесят.

Славик Тихонович, естественно, не видел ни Рона, ни Джен, поскольку они в настоящее время были нематериальны. Рон «сидел», развалиясь, в синем кресле в углу тренажерной комнаты, а Джен висела над стойкой со штангами, рассматривая нового мутанта.

– Начинать с определения генетического кода? – спросила она.

– Нет, давай сначала общую картинку, а потом посканируем голову, – решил Рон.

– А у него потом мозга не будет бо-бо?

– Не будет. Между прочим, ты бы и сама могла уже догадаться, что этот экземпляр вообще не почувствует, если мы в него влезем.

Джен смутилась, но тут же возразила:

– И ничего не могла. У меня для этого еще опыта недостаточно!

И она принялась выяснять, что представляет собой этот самый Славик Тихонович.

– Ой! – вскрикнула Джен после секундной паузы. – Так у него же с сердцем нелады. С левым желудочком. Да как сильно... Я не ошибаюсь?

– Сделай поправку на то, что он сегодня давно тренируется.

– А насколько давно?

– А подумай, как это определить.

Джен надолго задумалась. Наконец неуверенно сказала:

– Пятьдесят семь минут всего, но с разной интенсивностью. В промежутке он останавливался на восемьдесят пять секунд, и за это время его организм потерял около ста миллилитров жидкости.

– Не жидкости, а конкретно мочи! – хохотнул Рон. – Писать он ходил. Но ты ничего, молодец.

Джен окончательно смутилась. Между тем Славик Тихонович выключил тренажер-скалу и подошел к стойке со штангами. Его плечо при этом проплыло сквозь левую ножку застывшего в воздухе очаровательного белокурого ангела. Рон мгновенно стрельнул в Джен плотной глюоновой нитью, отодвигая ее ногу в сторону.

– Ты что? – возмутилась Джен, хотя ангелы и не умеют возмущаться по-настоящему. – Ты же сам сказал, что он ничего не почувствует.

– Все равно, правила есть правила. А это правило – общее. Нельзя без дела пересекаться в пространстве с мутантами, чувствуют они при этом что-нибудь или нет.

*Диди. В УС-ах (управляемых сновидениях)
пересекаться с мутантами можно сколько угодно.*

Славик Тихонович поменял вес на штанге и улегся удобнее на скамеечку, приготовившись качаться. Джен отлетела от него метра на два и продолжила обследование. Кроме сердца, у Славика нашлась куча проблем, хотя внешне он выглядел как огурчик, да и чувствовал себя очень бодро.

– Теперь можешь попробовать его подлечить, – разрешил Рон.

Ангельскими правилами разрешено лечение мутантов в исключительных случаях, а также в процессе обучения. Этот раз был – для обучения. Джен начала, как полагается во всех несложных случаях, с выравнивания ферментативной и гормональной активности. Затем – по стандартному плану. Ей потребовалось больше часа. Пока Дженифер врачевала, половина Рона контролировала происходящее, изредка вмешиваясь в процесс. А вторая половина занималась своими делами в другой части галактики. Сначала Рон хотел оставить около Джен не больше своей четверти и заняться еще парочкой дел, но затем решил не рисковать и разделился всего лишь пополам.

Завтракал Славик Тихонович долго и обстоятельно, как это делали в добрые старые времена, в его детстве. Одновременно с едой он просматривал последние новости и что-то считал, вводя в калькулятор числа с помощью голосовой связи. Джен добавила ему в бифштекс недостающие витамины, и на этом первая часть ее сегодняшнего задания была закончена. Теперь пришло время заняться мозгом, но Джен так устала с непривычки, что друзья-ангелы решили отдохнуть. Рон воспользовался передышкой и быстро перебросил небольшую свою часть домой – проверить, не забыл ли он выключить уют, прежде чем полететь на Землю-11.

Диди. Вообще-то ангелы уютгами не пользуются.

Разве что в самых крайних случаях. Например, когда прикидываются людьми. Они не любят гладить, потому что часто обжигаются. Если перед вами чел, который часто обжигается, когда утюжит наволочку или жарит яшенику, и при этом не ругается, – это с большой вероятностью ангел!))

– Кстати сказать, когда ты научишься лечить в свертон-ком состоянии, ты будешь приятно удивлена тем, насколько проще и быстрее все это делается! – сказал Рон, пока они отдыхали.

Джен ничего не ответила. Она осматривала жилище Сла-вика Тихоновича, не переставая поражаться тому, как убо-го живут мутанты. В доме Славика было всего двадцать де-вять помещений, и при этом считалось, что он вполне обес-печенный старикан! Нижний этаж дома занимали два про-сторных, по земным меркам, холла, кухня с парой чуланов, некое подобие гостиной, полукруглая, с окнами из бежевого стекла, веранда, тренажерный зал с душевой, туалетом, раз-девалкой и бильярдной комнатой, в которой вместо бильяр-да был устроен лазерный тир. На втором этаже тоже распо-лагался холл, но гораздо меньших размеров, две ванные и шесть комнат, одна из которых являла собой образец старин-ного солидного кабинета – даже современная техника была оформлена в том же стиле. Остальные помещения находи-лись в подвальном, точнее, полуподвальном этаже. Славик Тихонович купил дом давно, оборудовал по своему вкусу и

обитал там в полном одиночестве. Жена его умерла пятнадцать лет назад, а единственная дочь с тремя детьми, хотя и жила неподалеку, заходила редко. Фактически Славик Тихонович поддерживал близкие отношения только со старшим внуком, который часто забегал в гости и ради которого в полуподвальном этаже была оборудована классная мастерская.

Отдыхая, Джен медленно облетела дом. Славик Тихонович между тем переоделся, включил уборщика и поднялся в кабинет, где тут же засел за компьютер. Рон полностью вернулся, и они с Джен расположились по разные стороны от Славика. Правильное послойное сканирование мозга – сложное занятие для юного ангела, не умеющего пока даже спать по частям.

– Я еще не совсем отдохнула, – жалобно сказала Джен, когда ее опять потащили работать, но Рон пропустил ее жалобу мимо ушей.

– Прежде всего, надо прочесть мысли, которые крутятся в «корке» сейчас, – объяснил Рон. – Это элементарно. Они всегда самые активные. И почти в точности похожи на то, как мы с тобой обычно разговариваем.

Да, кстати. Обычно ангелы действительно не разговаривают так, как это делаем мы с вами. Они общаются несколько иначе. Ну, как если бы мы общались мысленно. Поэтому, когда вы читаете: «Рон объяснил» или «Джен возразила», пожалуйста, имейте в виду, что это говорится не в прямом смысле слова.

Джен настроилась на волну Славика Тихоновича. Прочсть его текущие мысли не представляло никакого труда. Славик писал мемуары о собственном внуке, и львиная доля его мыслей крутилась вокруг этого. Но в первую очередь Славик подсчитывал, сколько он уже написал и какую сумму может принести его труд. Одновременно он представлял себя на пресс-конференции среди восторженных поклонников, отпихивающих друг друга, чтобы первыми взять автограф.

– Я не могу разобрать за всем этим, кто его внук! – воскликнула Джен. – Тут такая каша!

– Что значит «не могу»? – перебил ее Рон. – Определяй за десять секунд. Ответ на поверхности. Не определишь – накажу!

Джен нырнула в Славика чуть ли не целиком, но никак не могла отыскать в его голове образ внука. Она нашла там кучу образов его дочери, ее мужа, двух младших внучек, соседского пса, президента страны и огромное количество изображений Дюшки Ключкина – последнего человека. Образ Дюшки, очевидно, перебивал в голове Славика образ собственного внука, и у Джен ничего путного не получалось. Ясно ей было только то, что внук этого мутанта – пацан совершенно необычный, раз на мемуарах о нем Славик Тихонович рассчитывал хорошо заработать. Зато было неясно, какие мемуары, если мальчик вроде как жив и здоров. А может, не здоров? Но больного мальчика в голове Славика Джен тем

более не могла нащупать. Десять секунд пролетели, как одна.

– Между прочим, подсказка все это время была у тебя перед глазами, – заметил Рон, когда Джен сказала: «Я сдаюсь». – На по-верх-нос-ти. В самом прямом смысле этого слова. Посмотри на письменный стол.

Джен посмотрела. Там в рамочке стояла большая объемная фотография полноватого улыбающегося мальчика с всклокоченными волосами и подписью: «Мой любимый внук».

– Не может быть! – вскрикнула Джен, увидев снимок.

– Еще как может!

– Ладно, – вздохнула Дженифер. – Как ты когда-то говорил, все блондинки – законченные дуры. Я – дура. Так что терпи. Хотя терпеть, похоже, сейчас придется мне. А как ты собираешься меня наказывать, в угол поставишь, что ли?

Рон засмеялся. Джен тоже, хотя ей было досадно и вообще не до смеха.

– Хорошая идея, – сказал Рон. – Но у меня другое предложение. Верни Славика в первоначальное состояние.

– Какое – «первоначальное»? – удивилась Джен.

– Какое у него было до твоего лечения. Причем с точностью до молекулы. Начинай прямо сейчас.

«Вот сволочь!» – должна была бы подумать Джен, если бы она не была ангелом. Но Джен была ангелом, причем с самого рождения. Она не стала отвлекаться на лишние мысли и немедленно занялась делом. Спокойно, терпеливо и сосре-

доточенно.

«Разлечивать обратно» гораздо сложнее, чем лечить. И не столько с технической точки зрения (хотя это тоже трудно), сколько с моральной. Понимать, что ты делаешь кому-то хуже, – невыносимо, даже если ты самый обыкновенный человек с Земли-12, очень далекий от совершенства. А уж если ты ангел... К концу работы Джен вымоталась так, что едва могла висеть в воздухе. Ее противный учитель – сам-то молодой, вчерашний школьник почти что! – цеплялся к каждой мелочи, заставляя переделывать то одно, то другое. К счастью, все это время пациент почти неподвижно сидел за компьютером, что немного облегчало поставленную задачу. Наконец Рон критически осмотрел Славика и сжалился над своей ученицей:

– Ладно, отдыхай!

Джен тут же разрыдалась.

– Это ужасно! – ревела она. – Разве ты не мог придумать какое-нибудь другое наказание? Ему же опять теперь будет плохо. Обширный инфаркт через месяц, ты же знаешь! А так бы жил и жил. Он же и так мутант, умрет ведь – и все! От него же совсем ничего не останется. Зачем ты это сделал?! Я же его уже вылечила. Ну и пусть он гад, ну и что? Он с таким удовольствием сегодня по скале бегал! И Новый год собирался с внуками по старинке встречать. Это было бы так здорово. Я не хочу его разлечивать! Я хочу опять его вылечить!

– Лечи, – разрешил Рон. – У тебя еще почти два часа времени. Разрешение на лечение Славика действительно до пятнадцати часов местного времени.

– У меня уже сил нет, – продолжая плакать, призналась Джен. – Правда, совсем нет. Ни капельки. Даже плывет все вокруг.

– Ну, тогда не лечи, – предложил Рон. – Подумаешь, одним мутантом больше, одним меньше...

Сомнений в том, что сейчас Джен израсходует последние силы на повторное лечение, у Рона не было никаких. Собственно, это и входило в его планы с самого начала. Как он рассчитывал, так все и произошло.

Лечить второй раз оказалось на порядок сложнее, чем в первый. Сил у Джен действительно уже совершенно не осталось, да и делать все пришлось на ходу: Славик Тихонович неожиданно решил пройтись по магазинам. Джен лечила Славика, а он выбирал в магазине продукты, которые любит его внук, и думал: «Вот бы его невзначай машина переехала! Тогда мои мемуары сразу возросли бы в цене вдвое. Или втрое. Ох, а может быть, даже и вчетверо, а?» Рон летел рядом не весь, только наполовину. Вторая его половина вернулась с другого края галактики и находилась сейчас в сверхтонком состоянии, выполняя ту часть работы, с которой у Джен и в самом деле не хватало сил справиться.

Кроме того, вторая половина Рона вела странный разговор со Старком, которого Дженифер не видела.

– Никаких перспектив, – сказал Старк.

Рон вздохнул и уточнил:

– Это означает: в Ризенгри нет ничего из того, что ценят ангелы? И даже мутант, рожденный после ангела, – всего лишь мутант? И спасти Землю-11 больше нет смысла?

– Мы не должны были вмешиваться вообще, – продолжил Старк. – Если бы мы не вмешивались, их мир полетел бы ко всем чертям много столетий назад.

Рон кивнул.

– Мы делали все, что могли. Мы сделали больше, чем допустимо. И все равно нет ни малейшей надежды.

– Когда это произойдет и как?

Вместо ответа Старк кинул Рону маленький шарик со всей необходимой информацией. Рон ознакомился с ней и почувствовал, что ему становится плохо.

– Джени...

– Она все равно это сделает, Рональд.

– Измени будущее, Старк.

– Джени все равно это сделает, – повторил Старк и, оставляя Рону лучик надежды, осторожно добавил: – Скорее всего, так и будет.

Для того чтобы снова вмешаться и еще раз изменить будущее, ангелу-эксперту нужны были очень веские основания. А их у Старка не было.

– Послушай, Старк, а мое бешеное желание – недостаточно веское основание? – поинтересовался Рон.

– Ты хочешь, чтобы я учел твоё желание, но не учитывал тех катастрофических последствий, к которым приведет его исполнение?

Они окончили разговор. Старк улетел, пообещав проверить всё ещё раз. А Рон продолжил помогать уставшей как никогда Джен. «Скорее всего» оставляло один шанс из миллиона или даже меньше. Рон рассказал Джени о том, как обстоят дела, чуть позже. И конечно, он поведал ей далеко не всё.

Дженифер Шортэндлонг заканчивала третий класс обычной ангельской школы. У неё было множество друзей и подруг, несколько домов в материальных мирах и несколько – в тонких. Иногда – обычно на рождественские каникулы – она навещала своих настоящих родителей. Но с ними ей было очень сложно. Им, в отличие от Славика Тихоновича, Джен ничем не могла помочь, даже в том случае, если конец света на Земле-11 отложился бы навсегда. Мама Джени с большой вероятностью должна была погибнуть в горах лет через десять или, если этого не произойдет, дожить до глубокой старости, постепенно теряя голос и способности к сканированию. А отец – неминуемо сгореть от болезни, которая уже начала потихоньку в нём развиваться. Ещё у Джен был брат. С братом тоже было всё очень непросто, но у него всё-таки оставался шанс. Один из... неизвестно даже, один из скольких. Ничтожный шанс. Но всё-таки он оставался. У других мутантов и того не было. Джен не имела права вылечить сво-

их родителей. Не могла сказать брату, в чем заключается его шанс. Не в состоянии была спасти их мир или другие миры. Ее учили. Ее любили. Ее подстраховывали. Она имела все. И ее существование было невыносимо.

Если кто-нибудь когда-нибудь скажет вам, что быть ангелом – это счастье, то знаете что? Бросьте в него камень. Лучше булыжник. Вот.

Глава 5

Уровень Пи

- Хрю!
- Хрю-у!
- Хрю-хрю!
- Хрю-у-хрю-у!
- Не хрюу, а хрю, не хрюу-хрюу, а хрю-хрю!
- Хрю-хрю-у?
- О! Почти получилось! Молодец.
- Правда?
- Ага. Хо-хр-хрю!
- Хо-о-хыр-рю-у...

– Не, не так. Не тяни, попробуй быстрее.

Варя попробовала быстрее, выдохнула, откинула со лба волосы:

– Нормально?

– Эмм... Уже гораздо лучше! – бодро соврал Дюшка.

Но им обоим было ясно, что ничего не лучше.

Это была их третья попытка подтянуть Варю.

Два дня назад ребята попробовали заниматься оперативным хрюканьем у Клюшкиных, но Муська с Алей их просто достали: то и дело по очереди вбегали в комнату. То с хлопушкой, то с водным пистолетом, то с пищащим языком – бумажной такой свистулькой, в нее дуешь, она вытягивается языком и пищит, а на кончике – клейкая лента. Лента несколько раз приклеивалась к столу, а потом к Варе прилипла. Намертво. Пришлось ей локально отключать болевые рецепторы и отдирать липучку вместе с кожей. После того как лента попала в Варю, тетя Таня в наказание отправила дочек корениться на грядку. Но и тут покоя не наступило, сестренки устроили такую истерику, что соседи чуть телевизионщиков не бросились вызывать: решили, что кого-то убивают.

Вчера Варя и Дюшка хрюкали у Ворониных. Это вообще был кошмарный кошмар, потому что Варина мама внезапно проявила неадекватную активность и живой интерес к происходящему. Сначала принялась убирать, нарезая круги по комнате и стирая пыль с многочисленных статуэток, потом

вообще уселась третьей за стол. Истории какие-то рассказывала из своей жизни, лезла с советами. «Она стоит десяти Алек и пятнадцати Мусек!» – думал Дюшка, не находя и секунды, чтобы вставить слово или хрюкнуть.

Но сегодня им повезло. Славик Тихонович, Дюшкин дедушка, уехал по делам в Моксву до самого вечера. И ребята с комфортом устроились в мягких креслах на полукруглой, залитой заходящим солнцем веранде дедушкиного дома. Ни мам, ни сестренки – никого. Красота!

Дюшке ни капельки не хотелось заниматься репетиторством. Ему хотелось просто сидеть вот так, долго-долго, и чтобы солнце совсем запуталось в Вариных волосах и не закатывалось, и просто молчать ни о чем, и... Но они же пришли сюда, чтобы исправить Варину двойку! Ладно...

– Давай еще раз с хохр-хрю, – сказал Дюшка.

Варе тем более не хотелось учиться и думать о хрюках. Ей хотелось сделать пластическую операцию и спилить клюв. А вместо него имплантировать обычный нос, как у первых или обычных вторых. Кому нужна эта красота, если с ней одни проблемы? К тому же, как выяснилось, клюв целоваться мешает. Варю, если честно, этот вопрос давно мучил. У нее, если совсем уж честно, по этому поводу даже комплекс сформировался. Ведь ей уже четырнадцать, че-тыр-над-цать! А она еще ни разу не целовалась по-настоящему – ну, в смысле, чтобы с мальчиком. Это катастрофа. В щечку «поздравляю-днем-рождения» – это совсем не то. В щечку клюв не ме-

шает. Но сейчас, когда она стала взрослой девушкой... «Операцию! Надо сделать операцию! – окончательно решила Варя. – Ой, а деньги?» Денег на удаление клюва не было.

– Эй, давай еще раз с хохр-хрю, – повторил Дюшка.

– Давай, – кивнула Варя, возвращаясь в реал. – Хохыр-хрюу.

Получилось непохоже. Гораздо хуже, чем в прошлый раз. Дюшка невольно вздохнул, как-то само собой вышло.

– У меня горло пересохло, – объяснила Варя. – И в клюве першит. И вообще я пить хочу.

Она для убедительности покашляла.

– Ой! – спохватился Дюшка. – Пить. Конечно. Я сейчас.

Он вскочил, бросился на кухню, чуть не сшиб по дороге невидимого ангела. Он бы и сшиб обязательно, но ангел Дима, во-первых, находился в тонком состоянии, а во-вторых, привычно успел увернуться, взмыв под потолок.

Клюшкина не было довольно долго. Варя встала, села, опять встала. Прошлась по веранде. Классный дом у Дюшкиного деда. У самого Дюшки тоже классный, но это понятно, – госпрограмма, последний человек. Не шутка. Специфинансирование и всякое такое. А у деда-то откуда?

– Держи.

– Что это?

Мутная сероватая жидкость в бокале, который протягивал Клюшкин, не вызвала доверия.

– Молоко.

– Молоко-о? – удивилась Варя.

– Натуральное, – подтвердил Дюшка. – Потому не белое.

– Обалдеть! Натуральное молоко! – Варя взяла бокал. –

Ой!

– Что такое?

– Оно теплое! У вас тут живая корова? Настоящая? Ты ее доил???

О том, что раньше молоко давали коровы, которых периодически полагалось доить, Варя, конечно, знала. Об этом все дети знают, ведь историю древних веков преподают с первого класса.

Дюшка засмеялся:

– Ну ты даешь! Какая еще корова, откуда? Они ж вымерли давно.

Варя не смутилась:

– Мало ли... Может, одна осталась. Вон люди тоже все вымерли сто лет назад, но ты же есть!

Дюшка закусил губу. Его браслет внезапно противно пискнул. Он бросил взгляд на запястье, на экран, но делать ничего не стал.

– Эсэмэска? – поинтересовалась Варя.

Зачем ставить такой отвратительный писк на эсэмэски? Этих последних людей фиг поймешь! У Вари даже на эсэмэски от папы стоит нормальная пилика. А если от подружек, то такая мимими-тренька, и розочки вылетают...

– Не, не эсэмэска, – отмахнулся Дюшка. – Это так... Ерун-

диссимо.

– Ясно.

– Ты пей, пока теплое.

Варя сделала глоток.

– Невкусно.

– Зато полезно. Теплое молоко для горла полезно.

Варя презрительно скривилась. «Да что ж это я! – расстроился Дюшка. – Ладно бы один раз сказал, что полезно. Тогда бы типа проехали. А так заладил... Тыфу на меня!»

Браслет опять пискнул. Варя поставила бокал на столик. Без комментариев.

– Кстати, насчет коровы... Она, можно сказать, все-таки реально была настоящая! – бодро произнес Дюшка, не найдя лучшей темы для разговора, и менее бодро продолжил: – Ну, я так думаю, что... то есть... да... – тут он окончательно скис и умолк.

– Что – «да»? – вежливо поинтересовалась Варя. – Ты что, натуральник?

– Нет!!!

«Натуральниками» на Земле мутантов презрительно называли тех, кто считал, что вымерших животных можно восстановить, пользуясь «Банком ДНК». В этом банке хранились образцы клеток если не всех живых существ, то очень многих. Используя эти материалы, можно было даже динозавра какого-нибудь вырастить в биореакторе (в том самом, куда собирался бежать Дюшка). Вырастить, показать всему

миру в очередном телешоу, и... К сожалению, такие выращенные животные долго не жили, час-два, максимум день. А если их «адаптировали» к новым условиям (то есть генно-модифицировали), они жили-поживали, как все. И вот тут начинались споры. Можно считать адаптированную корову натуральной, если она изменена всего на 50 процентов? А если всего только на 49? А если на 48 с половиной?

– Нет, я точно не натуральник! – повторил Дюшка. – Кто вымер, тот вымер. Я просто имел в виду, что когда-то корова была настоящая, давала настоящее молоко, его образцы сохранились, и вот это молоко, которое перед тобой, – оно самое что ни на есть натуральное, потому что сделано по образцу оригинала!

Варя пожала плечами:

– Ну... теперь ясно. Но все равно невкусно. Уж извини.

– А... хочешь кофе?

Солнце все еще закатывалось, все еще путалось в Вариных волосах. Было тихо.

– Хочу. Только если с нормальным молоком, не с таким. Есть нормальное?

Было и нормальное, абсолютно ненатуральное. И сливки взбитые, всех сортов. И клубничные стразы для украшения. Дюшка варил кофе – с важным видом стоял около кофе-агрегата – и думал о том, почему он не вымер. То есть как так вообще случилось, что он появился? Мама у него первая, папа – двойка, сестренки – официально двойки, но если коп-

нуть, тройки тройками, по потолку вон бегать могут. Деда, бабки – все мутанты. А он...

Кофе приготовился. Дюшка переставил чашки на поднос, нашел в шкафу печеньки. Может, мороженку зафугачить? Девчонки любят мороженое. Дюшка подошел к мормашинке, и его пальцы привычно залетали над кнопками, вводя программу. Дюшка любил готовить. И особенно украшать блюда.

Пока Клюшкина не было, Варя попробовала молоко еще раз. Брр, что за гадость! Вообще, натурпродукты все гадость. Даже если в них добавлять сахар и ароматизаторы. «Если я выйду замуж за Клюшку, надо будет завести для него отдельный холодильник, – подумала Варя. – Чтобы не путать еду. Хотя как я за него выйду, если его на опыты заберут? И потом, вдруг я ему не нравлюсь!» Варя подошла к окнам. Вся полукруглая часть веранды была одним сплошным окном, подоконники чуть выше колена. А рамы закручиваются спиральками. Варя поймала свое отражение и осталась им довольна. «А может, и не делать пластику! – шепнула она отражению. – Неудобно, зато же красиво...»

– Что ты сказала?

Клюшкин вошел так бесшумно!

– Красиво тут у твоего деда, говорю! – обернулась Варя. – О, кофе!

– Красиво, – согласился Клюшкин.

Варя взяла чашку и стала аккуратно пить. Пить клюв не

мешал.

– Ты тоже очень красивая, – сказал Ключкин.

Варя кивнула и взяла печенку. Ей многие говорили, что она – супер. Ключкин, между прочим, тоже уже говорил – раньше.

«Я хочу ее нарисовать! – подумал Дюшка. – Надо ей сказать об этом. Прямо сейчас. Это же просто: я-хочу-тебя-нарисовать – и всё! Пока солнце есть, надо начать. И кофточка по цвету к креслу подходит. Вот так пусть и сидит, не шевелясь...»

– Слушь, Варь, а... Я хотел спросить... То есть попросить...

– Да? – Варя взяла еще одну печенку.

– Ну...

– Ну?

– А ты не обидишься?

Варя сделала круглые глаза. «Я идиот! – расстроился Дюшка. – Надо было просто сказать я-хочу-тебя-нарисовать. А теперь как вырулить?» Браслет пискнул.

– У тебя опять эсэмэска, – заметила Варя.

– Да не эсэмэска это, это так... Просто плачет иногда.

Варя равнодушно допила кофе и перевернула пустую чашку на блюдце. Так принято на Земле-11, это значит: было вкусно, но больше не хочется.

– Спасибо за кофе, – сказала Варя. – Было очень вкусно.

Она встала. Прошлась по веранде, пересела на пуфик.

Солнце почти свалилось за горизонт, теперь оно било Варю в спину, в затылок. Волосы сияли золотом, а лицо пряталось в тени. На мгновение Дюшке показалось, что у Вари вообще нет лица – бездна вместо него, и в эту бездну можно провалиться. «Пусть бы она не ушла, никогда не ушла!» – отчаянно подумал Дюшка и почувствовал, как за его ушами стекают на шею две капельки пота. Браслет пикнул, а потом заверещал.

– Хоть на звонок маме ответить, – хмыкнула Варя.

– Да не звонок это! – Дюшка вдруг разозлился.

– А что тогда?

– Индикатор.

– Чё?

– Индикатор уровня Пи.

Дюшка протянул Варю руку, кликнув по какому-то малоприметному значку на экране. Привычная стандартная заставка (часы, погода, мутно, входящие, напоминалки) сменилась шкалой с циферками. Шкала была желтая.

– У тебя индикатор? Ух ты, я и не знала... Хотя откуда мне было знать, мы с тобой почти не общались. Ты его все время носишь?

– Ну он же в браслетке, встроенный. Так что почти все время. Могу снять, если захочу. Во...

Дюшка отстегнул браслетку, положил на стол между кофейными чашками и молоком.

– Можно?

– Конечно.

Варя взяла браслетку.

– А почему было желтое, а сейчас серое?

– Так сейчас ему измерять нечего, не на руке же. У стола эмоций нет!

Варя хихикнула. Дюшка расслабился и тоже улыбнулся.

– А если я надену, что покажет?

– Попробуй!

Варя аккуратно сняла свою браслетку, обычную, без датчиков. Простой комп плюс телефон, плюс там фотик, мутик и прочие глупости, стандартный набор. Закрепила Дюшкин.

– Не показывает.

– Затяни потуже, у тебя рука тонкая, болтается. Прилегать должен.

Клюшкин подошел, плюхнулся на пол рядом с пуфиком:

– Давай помогу. Вот так.

– Все равно не показывает.

– Это, наверное, потому, что у тебя человеческих эмоций нет, – предположил Дюшка. – Ты же мутант.

Варя вдруг расстроилась. Реально расстроилась.

– Смотри, зеленое! Есть эмоции! – закричал Дюшка.

Варя обрадовалась, продолжая расстраиваться. Как ей это удалось – неведомо!

– Зеленое!

– Ну вот!

– А что это значит? Это хорошо?

– Это хорошо, – серьезно кивнул Дюшка. – Зеленое – это когда опасные отрицательные эмоции – ну, кроме страха, переживания там всякие или любовь вдруг... Словом, когда эмоции есть, но их нормальное количество – до единицы.

– А у меня до единицы?

Дюшка посмотрел на экран, кликнул куда-то:

– У тебя одна десятая.

– Всего-то...

– А ты что, больше хочешь?

Варя не знала, хочет она больше или нет. Она посмотрела на Дюшку и задумалась. Вдруг вспомнила, как у нее в лужу глаз вывалился и...

– Смотри, три десятые! Круто!

Варя перевела взгляд на экран. Шкала была опять серая.

– Только что было три! – поклялся Дюшка. – Три десятые.

Варька, это супер, ты понимаешь, это просто супер!

Ключка вскочил и бросился ходить по веранде туда-сюда. Он был очень взволнован.

– Да ладно... – сказала Варя.

Впрочем, ей было приятно. Но шкала оставалась серой.

– Ты понимаешь, да? – продолжал волноваться Ключкин. – Понимаешь? У моего папы всегда ноль. У сестренки бывает немного, но они еще дети, это не в счет. У мамы бывает. Она этим гордится. Этим можно гордиться, ведь мутанту уметь испытывать человеческие эмоции – это достоинство! Ну, если ими управлять. Но этому легко научиться.

Мама умеет.

– А ты?

– Что я?

– Управлять умеешь?

– Не-а, – Дюшка грустно вздохнул. – Я не умею, и в этом вся проблема. Потому мне и приходится носить индикатор. У меня почти всегда зеленое и часто желтое. Если переходит в красное, начинает вибрировать. А если зашкаливает, то плакает, а потом верещит.

– А зашкаливает – это сколько эмоций?

– Это три.

– Три десятые, как у меня?

– Не, три целые, с копейками. До единицы – зеленое, норм. От одного до двух – желтое, тоже ничего. От двух до трех – красное, опасность, надо обратить внимание или таблетку выпить.

– Какую еще таблетку?

– Вот эту.

Дюшка извлек из кармана белую пластмассовую баночку, потряс ею.

– А почему звуков нет? – подозрительно сдвинула брови Варя. – Ты все выпил? Она пустая? А если вдруг у тебя опять красное будет?

Дюшка наклонился к Варе и прошептал ей на ухо:

– Я их вообще не пью. В унитаз сливаю. Ну на фиг.

– Ах!

Варин рот открылся в изумлении. И клюв тоже.

– Ага! – Клюшкин был доволен произведенным эффектом.

– А если до уровня Пи дойдет?

– Уже доходило, и переходило, и не раз.

– И чё???

– А ничё! Я браслет снимал, чтоб не орало, – и все. Потом обратно надевал. И вполне себе жив, как видишь.

– Ого!!!

Если мутант влюбляется или переживает по-настоящему, с эмоциями, и уровень этих эмоций доходит до «уровня ПИ» – то есть три целых и четырнадцать сотых, – он, мутант, немедленно разорвется пополам. Или на сто частей треснет. Или вообще исчезнуть может, если не просто переживает, а от любви. Это всем известно.

«А вдруг тогда все-таки это со мной не гипноз был, а зашкал по переживаниям? – подумала Варя. – Меня зашкалило, и я исчезла. А то, что куда-то попала, – это были глюки. Предсмертные. То есть предисчезательные. Вдруг так? Вдруг я в него тогда правда ненадолго влюбилась? Жу-у-уть...»

Со стороны кухни что-то тоже отчаянно запищало.

– Там тоже анализатор какой-то? – удивилась Варя.

– Не, это мормашинка. Я ее запустил и забыл. Хочешь мороженого?

– Ну, раз уже готово, тащи!

Дюшка убежал. На этот раз он пронесся далеко от ангела,

потому что ангел Дима сидел на одной из потолочных балок в дальнем углу веранды.

Варя смотрела на серый экран и напряженно думала.

– Я в него не влюбилась, – прошептала она.

– Влюбилась, – возразил ангел.

Конечно, его никто не услышал.

– И никогда не влюблюсь, – прошептала Варя. – Он рыжий. И неспортивный. Он меня на руках носить не сможет. И вообще, дурак он. Зачем мне за него замуж? У меня полно поклонников поперспективнее.

Ангел хмыкнул.

Полоска вдруг позеленела. Не вся, но почти наполовину.

– Да не люблю я его ни капли!

Полоска позеленела сильнее.

– Не-ет! – громко заявила Варя экрану.

– Что – «нет»? – поинтересовался Дюшка, осторожно внося тяжелый поднос. – Не хочешь мороженого?

Варя посмотрела на мороженое. Оно выглядело восхитительно.

– Нет, это я экспериментирую с твоим индикатором. А мороженое хочу, давай.

Они принялись за мороженое. Индикатор серел и помалкивал. Солнце закатилось, но за окнами все еще было светло. «Все равно пусть бы не уходила никогда, даже без солнца!» – подумал Дюшка.

– Есть несколько способов увеличить свои эмоции, – ска-

зал он. – Только все они опасные. Мне-то не страшно, я – человек. А вот тебе я бы не сове...

– А какие способы? – перебила Варя и быстро добавила: – Учти, если влюбиться – то этот вариант не для меня!

Дюшка растерялся. Немного расстроился. А потом немного обрадовался.

– Ты чего улыбаешься?

– Это хорошо, что не для тебя, – серьезно сказал Дюшка. – А то влюбилась бы, например, в меня – бац! – и исчезла.

– Дурак! – Варя даже мороженое от себя отодвинула демонстративно.

– Дурак, – вздохнул Дюшка.

– Я никогда в тебя не влюблюсь, чтобы по-настоящему – никогда! Мы просто дружим! А если нет, то я пошла домой!

Воронина вскочила. «А замуж выйду за Гошу Уру из десятого „А“ или еще за кого!» – решение это было окончательное. На данный момент.

– Варька, ты что! Дружим, конечно. Это я так, для примера. Дружим – и хорошо. Я бы и сам не хотел, чтобы ты в меня всерьез влюблялась!

– Что-о?

– Ну, зачем мне, чтобы ты исчезла или чтоб тебя разорвало?

Это было резонно. Варя подумала-подумала, села и придвинула к себе мороженое. Некоторое время они ели молча. Дюшка как-то погрустнел. Если его спросить отчего, он бы

не смог ответить толком. Но ангел Дима знал отчего. С одной стороны, Ключкину ужасно хотелось, чтобы Варя в него влюбилась, причем именно по-настоящему. Не как у мутантов принято, не рационально, а так – хлоп! – и все! Навсегда. Но с другой стороны, он знал, что, если такое случится, Варя исчезнет. Эмоции уровня Пи разрывают любого мутанта. Даже первого. Что так – что так, получалось плохо. Или страдай от неразделенной любви, или... или твоей девушке конец. Жить так было невозможно. «Хочу стать мутантом, как все! Как все, как все, как все!!!» – думал Дюшка, размазывая мороженое по вазочке.

– Так какие еще есть способы? – спросила Варя, когда с мороженым было покончено. – Мне просто интересно, как это, когда, например, желтое. Или оранжевое.

– Есть один способ... – задумчиво протянул Дюшка. – Ты в реалити-шоу участвовала когда-нибудь?

– Не, у нас визора нет, – покачала головой Варя.

Реалитивизор был дорогим удовольствием.

– Ага, тогда тем более все получится! – воодушевился Дюшка. – Пошли!

– Куда? – Варя послушно встала.

– На второй этаж.

– У вас там реалитивизор? Шесть Дэ?

– Круче. Там у деда реалитикамера. Тринадцать Дэ. Дед пишет фантастический роман, купил камеру для визуализации. Я не очень умею ею пользоваться, но всякий там иголь-

чатый туман и прочую ерунду сотворю...

Они побежали вверх.

Дюшке удалось запустить 13 D-визуализатор самостоятельно. И создать в нем хлипкие игольчатые кустики. И какую-никакую дорогу. Было слишком темно, в фиолетовом «небе» вспыхивали и тут же гасли смутные образы, вдали появились даже очертания здания, впрочем, что это – сарай или небоскрёб – сказать было невозможно. Но Варя впервые оказалась в визоре. Она была в полном восторге. Индикатор браслетки слегка позеленел. Опасные эмоции появились.

– Давай руку, пошли! – сказал Дюшка.

Варя протянула ладошку.

Они шагнули в зыбкое игольчатое нечто. Зыбкое нечто отдаленно напомнило Варе то, в чем она оказалась, когда потеряла глаз в луже. Это было странно, но девочка решила не вдаваться в подробности. Просто вцепилась в Дюшку мертвой хваткой: хоть Ключкин и не спортивный, и не герой, а вместе не так страшно.

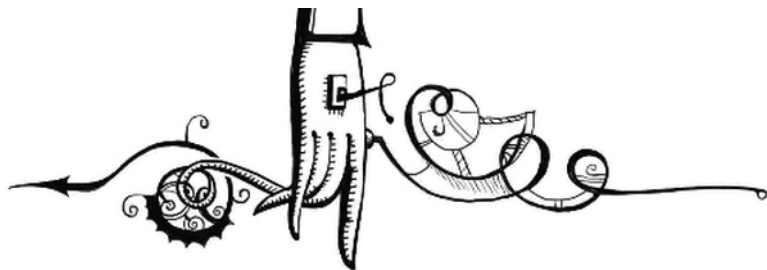
– Только не хватало, чтобы она прямо сейчас исчезла! – пробурчал Рон, присоединяясь к Диме.

Оба ангела по-прежнему оставались в тонком состоянии, но на всякий случай спрятались в игольчатых кустах, в визоре.

– Прямо сейчас не исчезнет, – пообещал Дима.

Варя и Дюшка их не слышали. Они спокойно шли в никуда, взявшись за руки. И не оборачивались. Индикатор на ле-

вом Варином запястье уверенно горел спокойным зеленым светом. И немного не доходил до желтого. То ли Варя научилась себя контролировать, то ли испытывала сейчас не слишком опасные эмоции.

Глава 6

СОСИСКА в СУМАСОЙТИ

Дюшка Клюшкин, как почти все остальные земляне-11, никогда не встречался с ангелами. А вот работники института, в который должны были отправить Дюшку по достижении им четырнадцатилетнего возраста, виделись с ними ежедневно. Институт располагался на окраине города и занимал несколько громадных зданий, окруженных хитроумной многоуровневой системой защиты от посторонних глаз. На вывеске этого учреждения было написано всего два слова – «Институт Биофизики», однако на самом деле все сотрудники института, включая механических уборщиц, были

тайными сотрудниками СУМАСОЙТИ – Секретного Управления Мутантами: Агрессорами, Сканерщиками, Особяками, Йогоногами, Телепортаторами и Имитаторами. А самым секретным отделом СУМАСОЙТИ считалась СОСИСка – Сверхсекретный Отдел Секретов Исключительной Секретности.

Как раз сотрудники СОСИСки были отлично знакомы с ангелами, которые спокойно разгуливали по Земле-11 под видом самых обычных людей. То есть мутантов. Между прочим, ангелов на Земле-11 было совсем немного...

Диди. ...не то что на нашей Земле-12, где они кишмя кишат!

Но сотрудники СОСИСки ангелами не занимались и паранормальными явлениями тоже. Единственным объектом их исследований оставался Андрей Ключкин.

Согласно данным СОСИСки, Дюшка действительно был последним нормальным человеком на Земле. Он стоил денег, подлежал тщательному изучению и защите. Его генный материал представлял большую ценность (и уже хранился в нескольких разных биобанках – это как обычный банк, только вместо золотых слитков и денег там держат всякие биологические образцы). Под эти исследования государство выделяло довольно много средств. Дело в том, что размножение мутантов-троек и увеличение их количества в будущем грозило Земле-11 почти катастрофой. Ведь тройки отлично умели восстанавливать свои органы, а значит, могли

жить тысячелетия. И это бы ладно, пусть. Но они в любой момент могли устроить какую-нибудь войну или заварушку, ведь это мутанты-агрессоры. А сканерщики? Еще хуже: попробуй скрой от них секрет государственной важности! А особяки? От этих вообще неизвестно, чего ждать! Нет, нет, чем больше на планете первых мутантов или относительно спокойных двоек, тем лучше. А уж если каким-то чудом удастся восстановить популяцию обычных людей...

Пока что особо опасных троек было не очень много, и сотрудники СОСИСки с удовольствием занимались Дюшкой. До недавнего времени мальчик рос довольно спокойно, его жизнь была вне опасности, и коллеги-человековеды жили расслабленно: писали статьи, ездили отдыхать по десять раз в год, играли на работе во всевозможные 6D-игры и развлекались иными доступными им способами.

Результат одного из таких развлечений висел на стене вестибюля «сосисочного корпуса». Это было большое панно-кариатура на разные виды и подклассы мутантов.

Все мутанты в Дюшкином мире делились на мутантов первого, второго и третьего порядков, или классов. Мутанты первого порядка отличались от мутантов высших порядков тем, что внешне были похожи на обыкновенных людей, то есть тех людей, единственным представителем которых в данный момент являлся тринадцатилетний семиклассник Андрей Ключкин. У так называемых первых мутантов не росли клювы, не вываливались глаза, не отвинчивались ноги

и не высывались хвосты из щупальцев. Многие из них обладали нормальными человеческими чувствами, хоть и в зачаточном состоянии. Им могло быть холодно, больно, грустно, влюбленно или даже страшно. Другое дело, что каждое из этих чувств они обычно легко отключали по собственному желанию (точнее говоря, не отключать их считалось плохим тоном). На крайний случай специально для таких мутантов фармакологические заводы выпускали особые таблетки.

Игорь Лапундрович, один из создателей панно-карикатуры, относился как раз к таким «первым» мутантам. Собственно говоря, он был настолько маломутантом, что его когда-то давно, еще в детстве, даже изучали в этом же самом секретном НИИ, в котором он теперь работал и в который вскоре собирались забрать Дюшку. В те времена на Земле-11 было много обыкновенных детей – целая сотня, а может, и больше. При институте тогда открыли специальный интернат для немутантных детей. Игорь жил в нем чуть больше месяца. А потом дотошные генетики обнаружили, что он все-таки мутант, научили отключать боль и жалость и отпустили под расписку о неразглашении государственной тайны.

Остальные дети тоже оказались мутантами. Их немного поизучали и отпустили, интернат закрыли, а людей официально объявили вымершим видом. СОСИСку решили расформировать.

Но тут, к счастью, родился Дюшка. И финансирование СОСИСки немедленно продлили.

Сейчас первый мутант Лап (так Игоря Лапундровича звали коллеги) внимательно просматривал ленты с записями психологических реакций «объекта Ключ» (так в секретном институте величали Дюшку) на «объект Плю» (так обозвали Варю, объект Первой ЛЮбви Ключкина). Эта работа должна была со временем лечь в основу будущей докторской диссертации подающего большие надежды молодого ученого.

Тщательно изучив истории болезней всех предыдущих немутантов, Лап пришел к одному очень важному выводу: все нормальные люди в конечном счете погибли от переживаний. Иногда их переживания приводили к инфаркту, иногда – к язве; один из последних маломутантов, помнящий старые добрые времена, тупо сошел с ума. Игорь Лап (вместе с сотрудниками) определил и критический уровень эмоций (уровень ПИ), превышать который было смертельно опасно.

Десять лет назад Лапундрович доложил о своем открытии на общем собрании института и настоял на том, чтобы Дюшку Ключкина всячески оберегали от любых нервных потрясений. Так что именно благодаря научному сотруднику Лапу, о существовании которого Дюшка даже не подозревал, ему до сих пор разрешали жить дома, иметь друзей, ходить в обычную школу и не забивать себе голову глобальными общечеловеческими проблемами и заблуждениями.

Вспоминая о прошлом, Лап взял очередную распечатанную ленту. Он не ожидал увидеть ничего нового, но...

– Ого! – при взгляде на график глаза его полезли на лоб

с ускорением свободного взлета. — Мама-дарагая, он мутирует!!!

Впервые за много лет показатель эмоций объекта Клю опустился до нуля! А потом немного поднялся — до одной десятой. А потом опять обнулится. А потом — вверх, но всего-то на три десятые. И тут же опять ноль. И опять зеленое. И опять ноль.

Лап забегал по лаборатории, кусая губы. Парень мутирует! А может, ошибка в программе? Да нет же, мутирует!!! Игорь Лапундрович извлек из потайного кармана жилетки блистер с разноцветными таблетками, проглотил одну, потом еще одну — для верности. Ему надо было успокоиться. Таблетки подействовали почти мгновенно. Жуткие прямые участки графика на ленте эмоций объекта Клю уже не вызывали сильных эмоций у Лапа. В конце концов, можно поменять тему докторской и защититься по фактам спонтанного мутирования последнего человека...

Прежде чем делать скоропалительные выводы, Лап решил кое-что проверить. Он взял распечатку и вышел из своей лаборатории.

Всего в СОСИСке было восемнадцать лабораторий, четырнадцать ЧП-бункеров, три наблюдательных пункта, три центра обработки данных, два конференц-зала и куча вспомогательных помещений. Лап спустился в НП-2 (наблюдательный пункт номер два), в который стекала информация с камер, расположенных в доме Славика Тихоновича, Дюш-

киного деда. Камеры эти включались автоматически, когда Дюшка приходил к деду в гости. Деду платили круглые суммы за каждую минуту съемок, – выгодная сделка! Славик использовал свалившуюся на него удачу по полной программе. Нашел способ сблизиться с внуком, зазывал к себе почаще приходить, заваливал подарочками, хвалил за каждый пук и хрюк. А иногда даже уезжал в Моксву по несуществующим «важным» делам, зная, что внук любит бывать в его доме один. Кстати, свой огромный дом он выкупил как раз на деньги, полученные за съемки внука.

В НП-2, обычно тихом и спокойном полуподвальном помещении площадью не более сорока квадратных метров, где работали, а чаще резались в мутомино три младших научных сотрудника, сейчас былолюдно и шумно. То есть мутантно и шумно.

Восемь секретных сосисочников толпились возле центрального экрана, возбужденно обсуждая происходящее и периодически хихикая. Девятый сосисочник стоял поодаль, в тени стойки с устаревшим, но еще не списанным оборудованием.

– День добрый, – поздоровался Лап.

Все восемь уткнувшихся в экран сослуживцев его дружно не услышали и вообще не заметили. Девятый – им оказался ангел-наблюдатель Дмитрий Чахлык – отплыл на шаг от стойки и приветственно кивнул.

– Объект Клю, возможно, мутирует, – произнес Лап, про-

тягивая ангелу ленту.

Ангел молча взял распечатку. Лицо его было невозмутимо. «Ненавижу ангелов!» – подумал Лап и протиснулся к экрану.

Объект Клю развлекался в 13 D-реалитикамере. И в этом не было бы ничего интересного, но развлекался он не один, а с объектом Плю. Подростки шли по виртуальной реальности, взявшись за руки.

– Опаньки! – обалдел Лап. – Я думал, они уроки хрюкают, а тут...

– А тут любовь по полной программе! – сказал сосисочник, стоящий слева, у пульта управления.

– Пока не по полной! – пробасил его коллега, восседающий в центре, на ящике с охладителями. – Они даже не целовались еще.

По правилам техники безопасности на ящиках с охладителями сидеть запрещалось, но уж очень они были удобные. Правила в СОСИСке нарушали на каждом шагу.

– Ничё, мы подожде-ом... – выдал кто-то справа.

Все заржали. Игорю Лапундровичу отчего-то стало неприятно. «Надо было три таблетки выпить!» подумал он, а вслух произнес:

– Странно как-то. Я только что проверял эмоции объекта Клю. Они ненормально низкие. Как такое может быть, если у них любовь? Это запись, что ли?

– Не, это сейчас, в реальном времени, – ответил стоящий

у пульта. – Просто браслетка с анализатором уже с полчаса не на Клю, а на Плю.

– А-а-а, вот оно что...

Лап присмотрелся, но браслетов не разглядел. Зато на одном из вспомогательных экранов заметил некое подозрительное шевеление виртуальных кустиков. Словно в них кто-то прятался. Лапу стало совсем муторно. Он выбрался из толпы научных сотрудников и тут внезапно почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд. Взгляд ангела.

– Вы правы, – не разжимая губ, произнес ангел Дима. – Там, в кустах, действительно кто-то прячется. И этот кто-то – я.

– Вы??? – удивился Лап. – Но вы же тут торчите!

– Я и тут и там, – возразил ангел. – Впрочем, не важно.

Один из сотрудников оторвался от экрана, обернулся:

– Лап, ты это нам? А, наблюдателю...

– Они меня не слышат, – пояснил ангел. – Я говорю непосредственно в ваш мозг. Попробуйте отвечать мне таким же образом... У вас должно получиться.

Лап хотел было попробовать, но внезапно вспомнил о том, как сильно ненавидит ангелов, и о том, как подтасовал факты в одной статье и в другой тоже, и как спер, то есть списал, пару ценных приборов, которые удалось выгодно обменять на... Вспомнил все это как-то одновременно и путано, вспыхнул, разозлился, остыл. Молча выхватил из черных ангельских рук ленту с данными и стремительно вышел.

Пить третью таблетку было бы глупостью. Нельзя злоупотреблять эмоцилизаторами. Тогда Лапундрович поднялся в кафетерий, решив сделать небольшой перерыв, выпить чаю и успокоиться.

В кафешке важно скучал изящный черноусый мутант Джереми – «вычислитель» из первого ЦОДа (в Центр Обработки Данных номер один попадали самые элитные секретные программеры). Вычислители ЦОДа-1 отвечали за сохранность объекта Ключ. Надо отдать им должное, они делали свое дело хорошо: Ключ по сей день был жив.

Тринадцать с половиной лет Джереми и его коллеги самым тщательным образом оберегали Дюшку Ключкина от переживаний. Вообще говоря, согласно генеральному плану исследования «объекта Ключ», Дюшку и дальше собирались от всего оберегать. Ведь, как вы уже знаете, Дюшка был самой большой ценностью-драгоценностью для многих, очень многих людей. Простите, мутантов. Случись что с Ключкиным – и весь институт мог в одночасье остаться без работы, а человечество – без надежды на светлое будущее. Поэтому дом Дюшки сразу после его рождения был оснащен кучей скрытых видеокамер, специальной системой противопожарной безопасности, защитными антирадиационными экранами и так далее. И занимался всем этим именно СОСИСочный ЦОД-1. Вот так.

Дюшкины родители, получив крупную денежную премию от государства, по просьбе ЦОДа же, родили еще двух детей.

Но сестренки-близняшки оказались самыми обыкновенными мутантками. Сотрудники ЦОДа несколько разочаровались, но продолжили вместе с остальными сосисочниками внимательно наблюдать за всем семейством Клюшковых.

Дюшкина мама была «первой» мутанткой, она умела переживать и частенько по вечерам – после того, как почистит зубы, и перед тем, как лечь спать, – очень переживала за своего сына. Несколько раз Дюшка ловил ее тревожные взгляды (это бесстрастно фиксировали видеокамеры) и напрягался (а это фиксировали специальные датчики, встроенные в Дюшку). После одного из таких сигналов Дюшкиной маме порекомендовали полностью перестать переживать, а вместо этого почаще бывать с сыном на свежем воздухе. Свежий воздух подвозили на задний двор дома Клюшкиных в огромных контейнерах.

Дюшка ничего не знал ни о датчиках, ни о камерах, ни о том, что его жизнь сразу после рождения была застрахована государством на сумму, сравнимую с годовым бюджетом страны. Тем не менее, не имея никаких дополнительных рецепторов и способностей, он чувствовал, что его оберегают. Но Дюшка верил, что его оберегает ангел-хранитель, о котором когда-то давно, когда он был еще совсем маленьким, рассказала ему бабушка Вероника. Он вообще очень долго верил во все сказки, переживал за Мальчика-с-зубик и Оранжевую Шапочку и очень бурно на все реагировал.

Однажды сотрудники СОСИСки решились на смелый

эксперимент: с помощью бабы Ники мальчику попробовали рассказать кусочек реальной истории в неприкрашенном виде. Тему выбрали самую нейтральную – Новый год. Эксперимент пришлось прервать в самом начале: мальчик расплакался на первой минуте, его пульс подскочил на сто два с половиной процента, а с некоторыми ферментами вообще стало твориться что-то непонятное. После случая с елочкой Дюшку стали охранять с удвоенным вниманием.

Несколько лет все было в порядке. Однако в последнее время датчики опять стало зашкаливать. Ребенок, то есть, простите, уже подросток, переживал, но причины его переживаний ученые вот так с ходу понять не могли. В принципе, они запросто могли просканировать Дюшкины мысли, – даже мама Вени Бесова сделала бы это без всяких приборов, – но сканировать мысли немутантов было строжайше запрещено. Дело в том, что после такого сканирования немутанты спонтанно мутировали (по крайней мере, теоретически), а рисковать последним экземпляром исследователи не могли.

Однажды по секрету от родителей в Дюшку вшили обычный микрофон. Вернее, даже не вшили, а в зуб вставили. Вместе с пломбой. Но на второй же день Дюшкин папа заподозрил неладное. Он обратился к своему адвокату, адвокат – к независимому эксперту, эксперт – к представителю комитета по нарушению прав мутантов... Назревающий международный скандал тогда еле замяли, микрофон немедленно вытащили, а Ключкиных в знак примирения наградили

семейным туром «Марс – это и в наши дни еще круто!».

Постепенно ученым стало ясно, кто является причиной Дюшкиных переживаний. Варю Воронину немедленно взяли на карандаш, окрестили объектом Плю и... и просчитали вероятность того, что девушка может влюбиться всерьез, зашкалить и исчезнуть.

Просчитывал эту вероятность как раз Джереми, поглощающий сейчас бутерброды в кафетерии СОСИСки.

– Привет, Джереми! – сказал Лап.

– Угу.

– Отдыхаешь?

– Угу.

– А Клю и Плю, между прочим, в визоре гуляют...

– Угу.

«Он хуже ангела! С ним невозможно спокойно разговаривать!» – с тоской подумал Лап.

– Да знаю я уже, – зевнул Джереми. – У меня во... И он мотнул головой, указывая направление. Лап с удивлением обнаружил в воздухе за своей спиной проекцию изображения. Призрачные Клю и Плю все еще шли, взявшись за руки.

– Но'-техно', – похвастался Джереми.

– Что?

– Новая технология.

Лап одобритительно кивнул.

– Жалко только, что камеры не везде установлены, – посетовал Джереми. – За парнем надо круглосуточно наблюдать.

Ежесекундно. А он, зараза, то в туалет зайдет, то браслетку снимет...

– Да, это проблема, – согласился Лап. – Сколько ему там месяцев осталось гулять?

– До апреля, – ответил Джереми. – У него в апреле день рождения. Ну, мы его сразу и...

Глава 7

Маленькое шоколадное шоу

«Двое шли не оборачиваясь. Двое наблюдали за ними, притаившись в кустах. Кусты были ненастоящие. Те, которые шли, были мутангелами. Первого звали Мебби. У него из правой руки тянулась золотая нить.

Второго звали Клейн. У него из руки тянулась зеленая нить...»

— Дюшка, ты как хочешь, но, по-моему, это какая-то чушь. Не, я понимаю, что это старался твой дед, но писатель из него никакой. — Венька Бесов с сожалением пожал плечами, протягивая Ключкину пачку листов с редакторскими правками красным фломастером по всему тексту.

Дюшка хотел сказать, что Варе, между прочим, понравилось. Но вместо этого произнес:

– Между прочим, у него четыре книги уже вышли.

Ключка распечатку не взял, Бесу пришлось сунуть ее в свою сумку, не выбрасывать же на тротуар. Хотя вон урна, у входа в развлекатель. Ладно, поздно. Хорошо, что не выбросил. Дюшка – человек, а человеки, хоть это и супер-пупер круто, могут обижаться хлеще первых.

– Между прочим, к деду недавно корреспондентка приходила, интервью брала.

– Ого, корреспондентка? Из Моксвы специально приезжала? – В голосе Беса наконец появилась нотка уважения.

– Ну, не совсем приезжала... – замялся Дюшка. – Звонила. Но обещала приехать.

– А-а-а...

Ребята прошли первый зал развлекательного центра, встали на платформу, поднимающую посетителей наверх. Пол платформы был мягче, чем тротуар, только без подогрева.

– Слушай, а у него реально уже четыре книги вышли?

– Ага.

– Чего ж ты раньше не хвастался? Мне фантастика нравится, мог бы и притащить, что ли...

– Ну, у него не совсем фантастика... – Дюшка опять замялся.

– Детективы?

Платформа остановилась и, как только мальчишки спрыг-

нули на твердую поверхность верхнего этажа, ухнула вниз за следующими пассажирами.

– Не, не детективы. – Дюшке не хотелось признаваться в том, что все четыре книги деда – не художественная литература, а скромные брошюры с кучами каких-то таблиц и фактов, способные заинтересовать разве что узкий круг специалистов. – Да зачем они тебе, если тебе и эта, новая, которая фантастика, не понравилась?

– Мне не то чтобы не понравилась, но вот чтоб с первой строчки захватило – нет, – пояснил Бес. – И потом, там ошибок полно.

– Ошибок? Которые красным исправлены? Но их не так много, я не думал, что они тебе помешают...

– Которые красным – не мешают. Других много. Ну, например, нить у этого Мебби – золотая, а написано – «солотая».

– Это не ошибка! Там дальше объясняется, что такое солото.

– Ну, а мутангелы?

– А в них тебе что не нравится?

– Ну, не знаю. Дико как-то. Есть ангелы. Есть мутанты. Это понятно. А тут – какие-то мутангелы. Так не бывает.

– Ха-ха, ангелы есть, а мутангелы – ему дико! И где это ты ангелов видел? Их, между прочим, тоже в природе не существует. Или ты веришь во всякую чушь?

Бес прикусил язык.

– Даже странно, что ты любишь фантастику, а простых вещей не можешь себе представить, – продолжал Дюшка. – Ты же сам – супермутант, даже сквозь стены сигаешь!

– Ключка, тише, ты что! – Бес быстро огляделся по сторонам. – Я же тебя просил, никому...

– Да тут и нет никого.

Они, действительно, находились довольно далеко от других посетителей развлечения.

– Все равно. Сейчас в кафешку зайдем.

– Там я не буду.

– Тут тоже не стоит.

– Невидимых ангелов боишься? – фыркнул Дюшка. – Ну да, они услышат, щазз! И прилетят на помощь.

– А вдруг! – подмигнул Бес.

Дюшка засмеялся:

– Знаешь, я, когда маленький был, в ангелов верил еще больше, чем в Деда Мороза. Просил: сделайте меня третьим, сделайте меня третьим! Пусть я стану мутантом третьего класса, чтобы и летать, и под водой дышать, и мысли читать...

– Не все тройки летают, и жабры не у всех, – возразил Бес. – А мысли, вон, моя мама преотлично сканирует, а она – обычная двойка.

– А ты, кстати, летать умеешь?

– Дюшка, ты обещал заткнуться! – взвыл Бес. – Мы уже пришли.

– Ладно, ладно, все, молчу, – вздохнул Дюшка. – Буду нем как рыба!

Они вошли в ресторанчик. К ним немедленно приблизилось миловидное лысое создание в фирменном фартучке:

– Добро пожаловать! Зал для пурящих – направо, для коренящихся – налево, все остальные расположе...

– Как рыба! – повторил Дюшка.

– Что, простите? – переспросила лысая. – Вы питаетесь, как рыба? Вам нужен бассейн для кожного питания? Простите, но для третьих мутантов-особняков у нас нет отдельного зала.

– Мы – первые, разве не видно? – гордо произнес Бес, отстраняя девушку в сторону. – Интересуемся, есть ли у вас натуральное рыбное меню. Пошли, Андрей!

– Ох, простите! Есть и натуральное! – Девушка засеменила следом. – Простите, простите! Вы меня не лайкнете?

Бес сделал вид, что не расслышал. Дюшка обернулся, лайкнул.

На Земле-11 за лайки продавцам, официантам и консультантам начисляют небольшие премиальные. Чем больше народу прикоснулось своей браслеткой с мутотом (идентификационным мутосигналом) к особой метке на рукаве консультанта, тем больше ему будет счастья в материальном эквиваленте. Лайки, впрочем, не отменяют чаевых, которые на Земле-11 также распространены.

Столик мальчишкам достался удобный, у парапета. Без

вида на город, зато с обзором нескольких нижних этажей центра, который пока еще не заполнился народом. До конца рабочего дня оставалось несколько часов, а стайки школьников и студентов все это пространство занять не могли, все-таки небольшой научный городок – это вам не столица.

– А ты в детстве в ангелов верил? – спросил Дюшка.

– Ымм? В детстве все верят. – Бес уже внимательно изучал меню.

– А в Мороза?

– Ы-гым.

– А чё ты у них просил?

Бес не ответил. Дюшка вздохнул и тоже уткнулся в меню. Пролистав несколько страниц и убедившись в том, что натуральных блюд, которые ему можно кушать, всего пять, Ключинский скривился. «Опять придется лопать рыбу и пить дурацкий лимонад, чтоб его!» – подумал он и стал наблюдать за покупателями на других этажах.

– Ты уже определился?

– Ага, вон.

– Форелька, пончик и лимонад? – Бес глянул на табло, которое уже высветило заказ. – Ну, ты консерватор!

Дюшка сжал кулаки и проскрежетал:

– Вот доберусь до биореактора – перестану быть консерватором!

– А, ясно. Слышь, ты извини, я как-то всю дорогу забываю, что ты человек.

– Проехали...

Дюшка опять стал смотреть вниз, а Бес принялся тыкать в табло.

– Смотри, ворона! – вдруг сказал Бес.

– Под каким соусом? – Ключкин заглянул в меню, но никаких ворон там не увидел.

– Ха-ха, не тут, там! Второй этаж, вон, ну вон же!

Варя Воронина стояла спиной к ребятам и рассматривала что-то в витрине ювелирного магазинчика.

– Ворона под соусом! Ха-ха! Сейчас я ее поражаю...

– Бес, не на...

Но Бес уже развернул экран браслетки. Дюшка видел, как Варя оторвалась от витрины и тоже развернула экран.

– Я ей и твою фотку отправил! – похвастался Бес. – Гляди, какая у тебя забавная мордочка! Поймал, как раз когда ты говорил «не на...».

Дюшка хотел было разозлиться всерьез, но еще раз глянул вниз и передумал. Варя хохотала, глядя в экран. Потом изящным движением руки откинула волосы назад, посмотрела на Дюшку и приветливо помахала ему. Ну, не только ему, конечно, Бес тоже высунулся.

– «Сейчас поднимусь!» – прочел Бес и добавил: – Обо мне не проговоришь!

– А ты – обо мне!

– О тебе? Ты о чем?

– Ну, о биореакторе. И о моих планах.

– Пф! Мог бы и не предупреждать!

– Я на всякий пожарный.

Варя вплыла в зал торжественно, как королева. Настоящих королев на Земле-11 уже несколько столетий не было, и как они ходили, никто точно знать не мог. Но в фильмах всякие принцессы-императрицы двигались так, как сейчас вошла Воронина: шея вытянута, взгляд свысока, клюв по ветру.

– Привет, Дюшка! Здравствуй, Вениамин!

– Привет еще раз, в школе вроде виделись.

– В школе не считается!

Бес встал, галантно пропуская даму: диванчики были на двоих, широкие и тяжелые, их не отодвинешь, как стул или кресло. Варя коротко кивнула и села так же торжественно, как шла. Подвинулась ближе к перилам. Теперь она оказалась прямо напротив Дюшки. Фух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.